

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БАКАЛАВРИАТ

«Субсидиарная ответственность в институте банкротства и
корпоративном праве по законодательству Российской Федерации»

Дипломная работа
Новичковой Елизавета Алексеевны

Научный руководитель
д.ю.н., профессор кафедры
предпринимательского права
Карелина Светлана Александровна

Дата защиты: «___» 2024 г.

Оценка: _____

Москва
2024 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Особенности корпоративной ответственности по обязательствам юридического лица.....	6
1.1. Виды корпоративной ответственности	6
1.2. Ответственность в пользу самого юридического лица: правовые аспекты .	16
1.3. Ответственность в пользу кредиторов юридического лица как аналог «снятия корпоративной вуали»: проблемы правового регулирования	23
Глава 2. Субсидиарная ответственность в процессе несостоятельности (банкротства): проблемы правового регулирования.....	32
2.1. Субъект субсидиарной ответственности в процессе несостоятельности (банкротства)	32
2.2. Ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов.....	44
2.3. Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника	57
Глава 3. Соотношение субсидиарной ответственности в процессе несостоятельности (банкротства) и по корпоративному праву.	70
3.1. Правовые основания и юридическая природа корпоративной ответственности и субсидиарной ответственности в банкротстве	70
3.2. Субъекты ответственности и порядок определения ее размера.....	75
3.3. Проблемы разграничения законодательства о банкротстве и корпоративного законодательства в части ответственности контролирующих субъектов по обязательствам юридического лица.	82
Заключение.....	89
Список используемой литературы.....	92

Введение.

Актуальность темы дипломной работы обусловлена тем, что за последние 7 лет в рамках реформирования законодательства в российском праве сформировались институты ответственности лиц по обязательствам юридического лица. Такие правила предусмотрены как гражданским законодательством (в том числе корпоративным), так и Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее - Закон о банкротстве). Кроме того, правоприменителю удалось выработать правовые позиции и подходы к юридической квалификации правоотношений, сформулировать основания для выбора той или иной нормы законодательства об ответственности контролирующих субъектов (ст. 53.1, ст. 64.2 ГК РФ², п.3.1. ст. 3 ФЗ об ООО³, ст. 61.11, 61.12, ст. 61.20 Закона о банкротстве). Действительно, нормы об ответственности по обязательствам компаний – неизбежная стадия развития права, зарубежные правопорядки также выработали свои подходы в этой сфере такие, как «проникающая ответственность», ответственность менеджмента перед компанией и кредиторами и другие. Рассматриваемые конструкции призваны защитить гражданский оборот от злоупотреблений, которые совершают контролирующие лица. Однако рассматриваемый правовой инструмент должен быть как можно более тонко и выверенно настроенным.

При этом на сегодняшний день нельзя говорить о формировании системы норм об ответственности: возникают коллизии правового регулирования, а также некоторые перегибы в судебной практике, когда исключительные и экстраординарные механизмы перестают быть таковыми, что порождает

---

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон РФ от 27.09.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

сомнения в незыблемости принципов ограниченной ответственности и обособленности имущества юридического лица. Таким образом, данная работа призвана выявить системные ошибки законодательства и практики, выявить общие черты и различия норм об ответственности и предложить методы по совершенствованию законодательства в целях поддержания стабильности гражданского оборота.

Объектом исследования являются общественные отношения по привлечению контролирующих субъектов к субсидиарной ответственности в банкротстве и корпоративном праве.

Предметом исследования является система норм законодательства, которые регулируют эти общественные отношения, устанавливая субсидиарную ответственность контролирующих субъектов по обязательствам юридического лица в российском праве.

Разработанность темы дипломной работы. Тема не является в достаточной степени разработанной ввиду того, что основные исследования ответственности по обязательствам юридического лица посвящены отдельным институтам, но не всей системе норм права, которая предусматривает различные составы ответственности. Отдельный вклад в развитие темы внесли такие исследователи, как Карелина С.А., Гутников О.В., Ломакин Д.В., Шиткина И.С.

Научная **новизна** исследования состоит в использовании системного подхода к анализу нормативного материала и судебной практики применительно ко всем видам ответственности контролирующих субъектов по обязательствам юридического лица по законодательству о банкротстве и корпоративному праву РФ.

Цель исследования состоит в выявлении взаимодействия норм о корпоративной ответственности и субсидиарной ответственности в банкротстве, в формулировании предложений в части выработки системного подхода закрепления данных институтов в рамках российского законодательства.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить сходства и различия каждого из механизмов ответственности по обязательствам юридического лица в корпоративном праве и Законе о банкротстве;
2. Обозначить проблемы правоприменения норм об ответственности;
3. Рассмотреть возможности решения проблем правоприменения за счет применения аналогии закона и права;
4. Сформулировать предложения по реформированию законодательства в части ответственности контролирующих субъектов.

Методологическая основа работы. В работе используются общенаучные методы: анализ и синтез; сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также метод юридического толкования.

Структура работы выстроена в соответствии с ее целями и задачами. Работа включает введение, главу о корпоративной ответственности, главу о субсидиарной ответственности в банкротстве, а также главу о сопоставлении видов ответственности, заключение, список источников.

Глава 1. Особенности корпоративной ответственности по обязательствам юридического лица

1.1. Виды корпоративной ответственности

С развитием гражданского обира появилась правовая конструкция юридического лица. Она постепенно приобрела свои конститутивные признаки и принципы, которые заключаются в ограниченной ответственности участников (вкладчиков) по обязательствам такого юридического лица, а также принцип отделения имущества участников от имущества самой корпорации. Такой правовой механизм стал необходим ввиду того, что рынок вызвал потребность в концентрации больших капиталов в рамках одного предприятия, которое было бы привлекательным для инвесторов.

Однако с появлением ограниченной ответственности появились и злоупотребления этим принципом. Ввиду чего многие правопорядки разработали концепции, благодаря которым участники и контролирующие лица корпорации могут быть привлечены к ответственности за убытки перед кредиторами или самим юридическим лицом. Однако такие исключительные способы защиты прав требуют обеспечения баланса между пренебрежением принципом ограниченной ответственности и интересами кредиторов.

Вопрос о природе такой ответственности является предметом дискуссии, ряд авторов считают, что корпоративная ответственность обладает своей особой природой и претендует на самостоятельный вид ответственности ввиду того, что обязательным обстоятельством применения такой ответственности является наличие корпорации (юридического лица), по поводу управления которой складываются корпоративные отношения в целом и нормы об ответственности в частности¹. Другие исследователи полагают, что по своей природе ответственность контролирующих лиц является деликтным обязательством, так

---

¹ Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 95.

как основывается на общем принципе возмещения вреда, причиненного виновными и противоправными действиями субъектов¹. В виду многочисленных разъяснений высших судебных инстанций можно признать устоявшимся именно второй подход². Так, Конституционный Суд РФ при оценке положений закона, которые устанавливают тот или иной вид корпоративной ответственности, ссылается на ст. 1064 Гражданского Кодекса РФ (*далее ГК РФ*), которая устанавливает общее правило об обязательствах из причинения вреда³. Относительно природы обязательства контролирующих должника лиц в банкротстве были высказаны разные точки зрения, большинство авторов разделяют позицию о том, что, субсидиарная ответственность является деликтной ответственностью контролирующих субъектов⁴. Аналогичный подход содержится в судебной практике⁵.

Принципиальной классификацией для рассмотрения норм о корпоративной ответственности контролирующих субъектов, а также субсидиарной ответственности в банкротстве является деление ответственности на *внутреннюю корпоративную* (возмещение осуществляется в пользу самого юридического лица) и *внешнюю корпоративную* (возмещение осуществляется в пользу кредиторов юридического лица). Внешняя корпоративная ответственность в зарубежных правопорядках принимает черты проникновения под корпоративный щит при наличии определенных обстоятельств. Рассмотрю

---

¹ Ломакин, Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ / Д.В. Ломакин // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 20.

² Определение СКЭ ВС от 07.12. 2015 года № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.10.2020 N Ф05-9061/2018 по делу N А41-7404/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2021 N Ф05-15816/2017 по делу N А40-60987/2015. СПС «Консультант Плюс».

³ п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

⁴ Покровский С.С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. N 7. С. 40 - 49.

⁵ Определение от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013; Постановление от 06.11.2012 № 9127/12 по делу № А40- 82872/10-73-400 «Б»; Определение от 21 октября 2019 г. N 305-ЭС19-9992. Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

некоторые варианты закрепления конструкций внешней корпоративной ответственности в зарубежных правопорядках.

Так, в Великобритании в XIX веке начинает развиваться доктрина «lifting corporate veil» («снятие корпоративной вуали»), которая представляет собой проникновение за корпоративную структуру и пренебрежение принципом отделения имущества юридического лица от имущества его участников¹. Однако в знаковом precedente «Salomon v. Salomon & Co.» Палата Лордов защитила принцип ограниченной ответственности участников корпорации и ограничила применение подхода «снятия корпоративной вуали». Несмотря на ограниченной применение именно этой концепции, подход «the directing mind and will» («неправомерное ведение дел») применяется довольно часто и преследует ту же цель – восстановление баланса между интересами кредиторов и участников корпорации. Эти две конструкции позволяют привлечь участника корпорации, который обладает контролем над принятием решений, к ответственности за убытки. Например, в случае обмана единственным участников кредиторов компании он обязан возместить убытки за счет своего имущества невзирая на то, что обязательства были приняты не им самим, а компанией, которая обладает принципом ограниченной ответственности. Такое решение принял суд в деле «Stone & Rolls Ltd v Moore Stephens»². При этом доктрину «неправомерного ведения дел» стоит рассматривать как ответственность за деликт. Однако в английской литературе не сложилось единого мнения по поводу природы «снятия корпоративной вуали» как способа защиты прав, в виду того, что он не может рассматриваться как деликт, так как этот возник в лоне «права справедливости» (law of equity). В виду чего остается неясным, нужно ли судье отказываться от применения доктрины «снятия корпоративной вуали», если налицоствуют другие способы защиты прав заявителей³.

---

¹ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2014. С. 184

² Stone & Rolls Ltd v. Moore Stephens [2009] UKHL 39.

³ Hannigan, B. Company law / B. Hannigan. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 46.

Согласно дополняющим друг друга подходам ответственными субъектами являются *только участники корпорации*, которые посредством злоупотребления правами участия причинили вред другим лицам. Именно участники корпорации отвечают (рискуют) своим имуществом, однако только в пределах того, что они внесли в капитал компании. Два рассмотренных механизма являются исключениями из этого правила.

Для привлечения директоров в английском правопорядке существуют другие концепции, которые основаны на пренебрежении *принципом агентского иммунитета* директора. Так, лицо, выступающее от имени корпорации (директор-агент), по общему правилу, обладает иммунитетом и освобождается от притязаний на его имущество по обязательствам принципала (самой корпорации)¹. При этом существует дифференциация ответственности по субъекту. Так, обязанность возместить ущерб может быть возложена на «appointed director» («назначенного директора»), «de facto director» («фактического директора»), а также «shadow director» (теневого директора)². Указанные лица должны обладать некоторыми ключевыми характеристиками: во-первых, должны иметь доступ ко всей информации, которая касается деятельности корпорации, во-вторых, должны обладать полномочиями по осуществлению деятельности от имени юридического лица. В виду чего выработан подход «abuses of limited liability» («злоупотребление ограниченной ответственностью»), который позволяет возложить на директора обязанность по возмещению убытков кредиторам корпорации в случае, если он дал указание или способствовал совершению деликта самой компанией³. То есть ответственность является личной и виновной, а также имеет деликтную природу.

Таким образом, в Англии существуют дополняющие друг друга механизмы, которые позволяют привлечь к «внешней» корпоративной ответственности как

---

¹ Ferguson v. Wilson [1866] LR 2 Ch App 77.

² Company directors: duties, liabilities and remedies / Ed. by S. Mortimore. 2nd ed. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 55.

³ Rainham Chemical Works Ltd v. Belvedere Fish Guano Co [1921] 2 AC 465, 467, HL.

участников корпорации, так и управляющих лиц. Дифференциация по субъектному составу основывается на том, какой «привилегией» злоупотребляет тот или иной субъект. На участников распространяется принцип ограниченной ответственности. Директор же защищен принципом агентского иммунитета. Однако рассмотренные правовые контракции представляют собой исключение из правил, которые ограничивают ответственность.

Немецкий опыт отличается от англо-саксонского в виду того, что Германия относится к континентальной правовой системе и не рассматривает прецедент и юридическую доктрину как источник права. Кроме того, немецкое корпоративное право обладает свойством крайней императивности: все, что не разрешено самим законом является запрещенным.

Aktiengesetz (Закон об акционерных обществах) предусматривает косвенные способы покрытия убытков кредиторов подконтрольного общества в договорных и фактических концернах посредством покрытия убытков этих дочерних обществ за счет основного¹. А разработка концепции «проникающей ответственности» (*Durchgriffshaftung*, или *Haftungsdurchgriff*) была связана с поиском баланса интересов в компаниях одного лица (*Einmannsgesellschaft*), где обязанным субъектом было именно физическое лицо, являющееся единственным участником. При этом применяется она в исключительных случаях, когда *ex-ante* контроль над злоупотреблениями, предусмотренный корпоративным законодательством, остается бессилен для защиты прав кредиторов. При судебной практикой выработан подход, согласно которому нормы о акционерных концернах также должны применяться к *GmbH*-компаниям в части привлечения к ответственности контролирующих участников².

Первый шаг в решении проблемы «проникновение под покров юридического лица» был сделан именно Судом. В 2002 году Верховный Суд ФРГ

---

¹ Нанаева Э.А. Граждано-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. М., 2008. С. 21-22.

² BGH, 16.09.1985 — II ZR 275/84, BGHZ 95, 330 («Autokran»); BGH, 20.02.1989 — II ZR 167/88, BGHZ 107, 7 («Tiefbau»); BGH, 23.09.1991 — II ZR 135/90, BGHZ 115, 187 («Video»); BGH, 29.03.1993 — II ZR 265/91, BGHZ 122, 123 («TBB»)

в деле «KBV»¹ признал за кредитором корпорации право на прямой иск к участнику. Основание ответственности в данном случае состоит в совершении участниками компании злоупотребления правом. Они приняли решение о переводе активов и сотрудников на вновь созданную корпорацию, при этом кредитор «KBV» не получил удовлетворения своих требований в виду того, что компания в результате принятия этого решения, оказалась неспособной исполнить обязательство. В виду чего он обратился в суд с прямым иском к участникам «KBV», который не был предусмотрен законодательством. Это решение является прецедентным, а его логика последовательно проводится Верховным Судом ФРГ в дальнейших решениях, однако такая практика носит исключительный характер².

Таким образом, в праве Германии ответственность по обязательствам общества также может возлагаться на участников корпорации, однако пределы этой ответственности регламентированы в большей степени законодательством. Немецкое корпоративное право предусматривает меры контроля *ex-ante* для предотвращения злоупотребления в большей степени, нежели разрешает последствия *ex-post*, препятствуя развитию концепции, которые бы предусматривали исключение из принципа ограниченной ответственности.

В российском законодательстве выработан ряд подходов, которые позволяют предотвращать злоупотребления, возникающие в результате принципа ограниченной ответственности юридического лица. По общему правилу ответственными субъектами являются контролирующие лица, которые могут быть как физическими лицами (директор, члены органов управления), а также юридическими лицами (например, в холдинге).

---

¹ BGH, 24.06.2002 — II ZR 300/00, BGHZ 151, 181

² Быканов Д.Д. Проникающая ответственность в зарубежном и российском корпоративном праве: дис. ... канд. юрид. М. 2018. С. 88

Нормы, которые предусматривают ответственность таких субъектов, появились в гражданском законодательстве после реформы 2014 года¹ и соответствуют международным тенденциям. Так, ст. 53.1. ГК РФ предусматривает ответственность контролирующих субъектов за недобросовестные и неразумные действия при исполнении своих обязанностей и повлекли при этом убытки для самого юридического лица или его кредиторов.

Ответственными субъектами являются директор, члены органов управления, а также лица, которые фактически могут определять действия и решения самого юридического лица. В этом списке нет участников корпорации, однако участник при доказанности факта осуществления контроля над обществом может быть привлечен как фактический контролер и будет нести ответственность за убытки. Для российского права не характерно разделение видов ответственности в зависимости от субъекта: участник или член органа управления. В действительности, многие правопорядки указывают на то, что ограниченная ответственность тех и других проистекает из иммунитетов различной природы: для участников – принцип ограниченной ответственности, для руководителей – принцип агентского иммунитета. В России преобладает общий подход, проистекающий из понятия контроля над организацией, а также общем запретом на злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ).

При этом в российской литературе существуют различные подходы к пониманию природы ответственности, предусмотренной положением ст. 53.1 ГК РФ. Так, существует обоснованная позиция о деликтной природе этой ответственности². При этом ряд авторов дифференцирует природу ответственности, в зависимости от того, есть ли между контролирующим лицом и корпорацией корпоративные отношения или нет. В случае их наличия

---

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

² Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 198

ответственность не может рассматриваться как деликт¹. Основанием такой ответственности являются недобросовестные и неразумные действия контролирующего лица – то есть собственное виновное действие (бездействие), которое находится в прямой причинно-следственной связи с убытками, причиненными самому обществу или же его кредиторам. При этом контролирующее лицо может быть привлечено к ответственности на основании ст. 53.1. ГК РФ даже в случае наличия других способов возмещения вреда². Однако стоит указать, что указанный способ защиты права представляет собой внутрикорпоративную ответственность, то есть возмещение осуществляется в пользу подконтрольного виновному лицу общества³.

При этом «внешняя» ответственность предусмотрена в российском законодательстве п. 2 ст. 67.3. ГК РФ, который устанавливает правило о солидарной ответственности основного общества по сделкам дочернего общества, которые заключены во исполнение указаний или с согласия основного общества. В виду того, что холдинги в российском праве также могут основываться на различных основаниях (участие в уставном капитале другого общества, договоре, фактической возможности давать обязательные указания другому обществу), указанное положение напоминает немецкий подход купирования рисков в холдингах.

Ряд авторов считает, что в российском праве также предусмотрена «проникающая ответственность», как в западных правопорядках (подп. 1 п. 12 ст. 61.11 и п. 4 ст. 61.20, а также ст. 61.12 Закона о банкротстве, п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью (далее ФЗ об ООО))⁴. Указанные нормы устанавливают ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов должника-банкрота; ответственность

---

¹ Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 10.

² П. 8. Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь. №34. 2013.

³ Быканов Д.Д. Проникающая ответственность в зарубежном и российском корпоративном праве: дис. ... канд. юрид. М., 2018. С. 172.

⁴ Быканов Д.Д. Там же. С. 174.

за неподачу заявления о банкротстве должника; ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц (далее ЕГРЮЛ) общества с ограниченной ответственностью. Эти основания ответственности объединяет то, что контролирующий корпорацию субъект совершает недобросовестные и неразумные действия, которые либо создают «видимость кредитоспособности» для контрагентов (ст. 61.12 Закона о банкротстве), либо лишают кредиторов возможности получить удовлетворение своих требований (подп. 1 п. 12 ст. 61.11 и п. 4 ст. 61.20 Закона о банкротстве, п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО). В данном случае очевидно, что нормы российских законов, концепции английского права и законодательство и судебная практика Германии преследуют одну и ту же цель. Однако тонкости настроек этого механизма проникновения различны в данных правопорядках. Так, например, в отличии от Англии, где злоупотребление правом лишает контролирующее лицо привилегии на ограниченную ответственность, «проникающая ответственность» в России не основывается на наличии какой-либо привилегии.

Кроме того, указанные юридические составы связаны с наличием экстраординарных юридических фактов, таких как возбуждение дела о банкротстве или принятие регистрирующим органом акта об исключении общества из ЕГРЮЛ, их отсутствие блокирует применение этих норм, что, несомненно, сужает возможность применения зародившейся в России «проникающей ответственности».

Интересно то, что принцип ограниченной ответственности является фундаментальным для корпоративного права, однако на сегодняшний день существуют вполне понятные и применимый конструкции, которые позволяют возложить ответственность на участника или директора организации. Так, определенные авторы высказывают идею, что ранее существовавшая возможность предусмотреть в уставе общества возможность отхода от принципа раздельной собственности юридического лица и его участников посредством установления в учредительном документе дополнительной ответственности

участников по обязательствам общества (ст. 56 ГК РФ в редакции №62 от 05.05.2014) была также дополнительной гарантией для кредиторов¹. Однако от такой возможности обеспечить гарантию для кредиторов путем волеизъявления самих участников отказались. Пожалуй, важно заметить, что организационно-правовые формы, которые предполагают полную ответственность участников по обязательствам юридического лица, не пользуются популярностью среди предпринимателей и инвесторов, поэтому сохранение и укоренение принципа именно ограниченной ответственности можно признать вполне ожидаемой тенденцией реформирования законодательства.

Важно рассматривать корпоративную ответственность не как гарантию удовлетворения требований кредиторов, а как способ борьбы со злоупотреблениями, которые связаны с использованием конструкции юридического лица с ограниченной ответственностью. Кредитор не может рассчитывать на удовлетворение своих требований за счет имущества участников без совершения ими гражданского правонарушения, но сам факт неисполнения обязательства не является злоупотреблением ограниченной ответственностью. Такое видение вопросов об ответственности является принципиально важным для данной работы, так как на сегодняшний день некоторые механизмы перестали быть экстраординарными, а стали повсеместными.

Считаем, что верным направлением совершенствования законодательства в части ответственности контролирующих субъектов является системное совершенствование двух аспектов реформирования. Во-первых, уставный капитал общества не выполняет гарантийной функции для кредиторов, это приемлемая ситуация, так как на современном этапе уставный капитал скорее обеспечивает старт организации, нежели гарантирует что-либо. В таком случае стоит рассмотреть вопрос об обеспечении гарантийной функции кредиторам за счет страхования гражданско-правовой ответственности. Во-вторых, предание

---

¹ Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 145.

нормам об ответственности контролирующих лиц исключительного характера, то есть возлагать обязанность по возмещению вреда в качестве исключения.

Таким образом, в российском праве можно проследить тенденции, которые соответствуют мировым трендам. При этом отсутствует системность норм и разъяснений по вопросам применения норм о внешней и внутренней корпоративной ответственности. В виду чего важно рассмотреть особенности каждой группы, выявить сходства и различия.

1.2. Ответственность в пользу самого юридического лица: правовые аспекты

Российское законодательство предусматривает корпоративную ответственность ряда субъектов, при возложении которой возмещение ущерба осуществляется в пользу самого юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 44 ФЗ об ООО, ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» (*далее* ФЗ об АО). Таким образом, уже при первом приближении можно сделать вывод о том, что рассматриваемые взаимосвязанные положения закона устанавливают внутреннюю корпоративную ответственность участников и органов управления.

Ядром является норма ст. 53.1 ГК РФ, которая устанавливает обязанность возместить в пользу общества убытки, которые были причинены указанными в законе субъектами. Именно по субъектному составу различаются положения специальных законов от общей нормы Гражданского кодекса РФ. Так, ответственность по общим положениям несет лицо, которое уполномочено выступать от имени юридического лица, члены коллегиальных органов управления, а также лицо, которое имеет фактическую возможность определять действия юридического лица, давать обязательные указания органам управления. Именно последняя категория не содержится в актах специального корпоративного законодательства, однако, думаю, что в данном случае лицо, осуществляющее фактический контроль, также несет ответственность по ст. 44 ФЗ об ООО, ст. 71 ФЗ об АО, признать отсутствие закрепления ответственности

такого субъекта квалифицированным молчанием законодателя не является обоснованным. При этом категория фактического контроля является важной с той точки зрения привлечения к ответственности действительно контролирующих лиц. Участники общества также могут обладать фактическим контролем при принятии определенных решений (в частности назначение руководителя общества, принятие решения о распределении прибыли и согласие на совершение крупной сделки). Таким образом, участники общества могут быть привлечены к ответственности по ст. 53.1 ГК РФ. Так, по одному из дел по результатам рассмотрения искового заявления участника общества с ограниченной ответственностью другой участник этого общества, который также исполнял обязанности директора, был привлечен к ответственности за причинение обществу убытков и исключен из общества с ограниченной ответственностью. При этом его недобросовестные действия состояли в том, что он заключил от имени общества ряд договоров аренды гостиничного комплекса по цене, которая была существенно занижена по сравнению с рыночной¹. Так, суд привлек участника ООО «Лидер», который также исполнял обязанности директора общества, по заявлению другого участника к ответственности за убытки, причиненные обществу посредством заключения сделки по отчуждении недвижимости в пользу аффилированного лица². В данных ситуациях лица были привлечены к ответственности как участники общества, которые при этом являются директорами. Таким образом, внутренняя корпоративная ответственность очерчивает довольно широкий круг субъектов, который при этом отвечает принципам правовой определенности.

При этом Высший Арбитражный Суд указал, что в случае применения положений ст. 53.1 ГК РФ и других взаимосвязанных положений актов корпоративного законодательства не требуется исчерпание других способов

---

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.06.2022 N Ф08-3468/2022 по делу N А32-19551/2021. СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.12.2021 N Ф09-7755/21 по делу N А50-13743/2020. СПС «Консультант Плюс».

защиты права. В частности, в случае заключения директором сделки без наличия согласия на ее совершение коллегиального органа управления не требуется предварительное обращение в суд с иском о признании ее недействительной или о применении последствий недействительности¹. Безусловно, с точки зрения права на судебную защиту возможность обратиться с требованием, которое заявитель считает применимым, является правильным конституционным подходом, однако в случае возложения ответственности, которая должна носить исключительный характер, такое толкование кажется не вполне корректным.

Поскольку ответственность является «внутренней», с заявлением в суд о предъявлении требований могут обратиться общество или его участник (п.5 ст. 44 ФЗ об ООО), общество или акционер, обладающий в совокупности не менее, чем одним процентом голосующих акций общества (п. 5 ст. 71 ФЗ об АО). Таким образом, кредиторы лишены возможности предъявлять такие требования, однако они являются косвенными бенефициарами спора в случае удовлетворения требований, так как их контрагент в лице общества получит возмещение за счет имущества контролирующего лица.

Сам состав гражданского правонарушения, который предусмотрен ст. 53.1 ГК РФ, предполагает установление следующих его элементов: противоправное деяние; наличие ущерба, причиненного юридическому лицу; причинно-следственная связь между ними; вина причинителя вреда². При этом стоит учитывать, что вина в гражданском праве носит объективный характер и выражается в несоблюдении стандартов разумности и добросовестности³. Несмотря на наличие дискуссии в части понимания вины в частном праве, признаем объективный подход к определению вины наиболее распространенным

---

¹ Пункт 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь. №34. 2013.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 N 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020 // СПС «Консультант Плюс».

³ Монастырский Ю.Э. Современное значение понятия «степень вины» при привлечении к ответственности директоров в корпоративном праве России // Хозяйство и право. 2022. N 8. С. 45.

и обоснованным¹. Кроме того, для гражданского права характерна презумпция вины (ст. 401 ГК РФ).

Следующим элементом состава является противоправное деяние. Именно оно является основанием ответственности. Основание ответственности в данном случае сформулировано широко. Так, ответственность возникает в случае совершения субъектами, указанными в законе, виновных действий в нарушение стандартов разумности и добросовестности, которые ожидаются от усредненного участника гражданского оборота, при исполнении своих обязанностей в качестве органа управления юридического лица. Ориентирами в признании тех или иных действий недобросовестными и (или) неразумными является разъяснение, содержащиеся в п. 2 и 3 Постановления Пленума ВАС от 30.07.2013 №62². В качестве примера недобросовестных действий Суд указал следующие ориентиры: действия при наличии конфликта интересов; совершение сделки без одобрения участников, когда это требуется; уклонение бывшего директора от передачи документов; сокрытие информации о совершенных сделках. К неразумным действиям, согласно позиции Высшего Арбитражного Суда, относятся действия, связанные с неполучением достаточной информации при заключении сделок и определении других действий юридического лица.

Важным элементом состава является также наличие ущерба и подтверждение его размера. В этой части закон и разъяснения высших судов не предусматривают никаких презумпций. Ввиду чего, к примеру, суд Уральского округа направил дело на новое рассмотрение в связи с тем, что был доказан только факт противоправности действий директора общества (директор выплачивал в свою пользу вознаграждение, которое было свыше установленного размера заработной платы и премии), однако не был исследован вопрос о

---

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Издательство "Статут", 1998. С. 582 – 613; Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2001.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь. №34. 2013.

причинении убытком обществу такими действиями¹. В данном случае суд указал на то, что для привлечения к ответственности за причинение убытков необходимо доказать факт виновности, противоправности (недобросовестности и неразумности) действий ответчика, наличие причиненного ущерба, а в ряде случаев подтвердить возможность определять действия и решения общества фактическим контролирующим лицом. Сам размер ущерба определяется по правилам ст. 15 ГК РФ и может включать в себя как реальный ущерб, так и упущенную выгоду. Так, суд удовлетворил требования Общества о взыскании упущенной выгоды, которая возникла ввиду продажи техники вопреки интересам общества, ввиду чего возникли убытки в размере неполученных доходов от осуществления деятельности по предоставлению такой техники в пользования другим лицам². При этом ответчиками в данном деле выступили директор общества, один из участников общества, а также лицо, которое имело давать обязательные для общества указания. Сама же сделка по отчуждению была признана недействительной как сделка с заинтересованностью, совершенная без соответствующего одобрения. Кроме того, само положение закона не исключает возможность требовать передачи в пользу общества неправомерно извлеченных доходов, если такие возникли. Таким образом, для требований о привлечении к внутренней корпоративной ответственности предусмотрен принцип полного возмещения.

Важно уточнить, что основание ответственности и субъекты, предусмотренные в ст. 53.1 ГК РФ, являются базовой нормой об ответственности контролирующих лиц в российском законодательстве. Другие конструкции, закрепленные в отдельных нормах законодательства, отсылают к ст. 53.1 ГК РФ. Например, ликвидатор и члены ликвидационной комиссии отвечают за убытки по основаниям, предусмотренным ст. 53.1. ГК РФ (п. 2 ст. 64.1 ГК РФ); субъекты,

---

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.08.2023 N Ф09-4972/23 по делу N А60-30243/2022 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2021 N Ф07-17246/2021 по делу N А56-77281/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

указанные в п.1-3 ст. 53.1 ГК РФ несут ответственность по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества с ограниченной ответственностью (п.3.1. ст. 3 ФЗ Об ООО).

К корпоративной ответственности также относится правило о взыскании убытков по ст. 61.20 Закона о банкротстве¹. Основание этой ответственности заключается в причинении контролирующими субъектами вреда самой организации и определяется по правилам ст. 15, ст. 53.1 ст. 393 ГК РФ². Так, при первом приближении норма ст. 61.20 Закона о банкротстве закрепляет состав внутренней корпоративной ответственности³. Однако отличие от внутренней корпоративной ответственности заключается в том, что в ряде случаев кредиторы должника также могут обратиться с заявлением о возмещении убытков (п. 1 и п. 3-4 ст. 61.20 Закона о банкротстве), при этом возмещение производится в пользу должника, а затем распределяется между кредиторами. Однако вопрос о правовой конструкции, закреплённой в ст. 61.20 Закона о банкротстве, усложнился ввиду недавного определения Верховного Суда РФ⁴. Он указал, что в зависимости от применения основания ответственности в банкротстве (субсидиарная ответственность в банкротстве или же взыскание убытков) решается вопрос о возможности определения судьбы требований из судебного решения по ст. 61.17 Закона о банкротстве. Главный вопрос, который разрешал суд, заключается в том, возможно ли применять правило ст. 61.17 Закона о банкротстве к убыткам по ст. 61.20 Закона о банкротстве. Суд указал, что по ст. 61.20 Закона о банкротстве кредиторы являются лишь процессуальными истцами, номинальными держателями права на возмещение вреда, так как оно

---

¹ Бобылева А.З., Горев Д.Е., Ю.А. Зайцева и др. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография // Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 312.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 N 305-ЭС23-22266 по делу N A40-169761/2018 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 488.

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года № 305-ЭС23-22266 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

принадлежит самой корпорации (должнику). Возможность осуществления такого способа распоряжения правом как уступка части права требования кредитору зависит от того, чей интерес был защищен в рамках возмещения. Убытки в данном случае, по мнению Верховного Суда, могут быть корпоративными или же кредиторскими. Корпоративные убытки не могут быть уступлены, так как у кредиторов нет материального права на распоряжение ими, они принадлежат самой корпорации. А вот кредиторские – да. Таким образом, Суд фактически признал, что в ст. 61.20 Закона о банкротстве закреплена как внешняя, так и внутренняя корпоративная ответственность. Научное и профессиональное сообщество еще не успело дать какую-либо оценку указанной правовой позиции. Очевидно, что она усложняет правоприменение, что, скорее всего, приведет к судебным ошибкам. Кроме того, указанное разъяснение создает путаницу в системе ответственности контролирующих субъектов. На мой взгляд, ст. 61.20 Закона о банкротстве представляет собой преломление ст. 53.1 ГК РФ в ситуации банкротства организации. Она лишь является ее продолжением. Законодатель закрепил ряд процессуальных особенностей, которые неизбежно возникают после возбуждения дела о банкротстве и в данном случае дублирования закона не возникает. Однако разъяснение Верховного Суда РФ указывает на то, что убытки в банкротстве обладают смешанной правовой природой (элементы внутренней и внешней корпоративной ответственности как бы сосуществуют).

Таким образом, возмещение вреда, причиненного самому обществу, реализуется в российском праве посредством института внутренней корпоративной ответственности, которая проистекает из взаимосвязанных положений ст. 53.1, 1064 ГК РФ. Системной проблемой стало разъяснение Верховного Суда РФ по поводу ст. 61.20 Закона о банкротстве, которая, исходя из позиции Суда, обладает смешанной природой.

1.3. Ответственность в пользу кредиторов юридического лица как аналог «снятия корпоративной вуали»: проблемы правового регулирования

Российское законодательство предусматривает два блока норм, которые устанавливают внешнюю корпоративную ответственность: без возбуждения процедуры банкротства организации (п. 2 ст. 64.1 ГК РФ; п. 3 ст. 64.2 ГК РФ; п.3.1 ст. 3 ФЗ об ООО) и рассмотрения спора о привлечении к субсидиарной ответственности в случае банкротстве организации по ст. 61.11 и ст. 61.12 Закона о банкротстве

Так, ГК РФ предусматривает несколько правовых механизмов, которые предоставляют кредиторам юридического лица право возместить убытки за счет имущества контролирующего лица. Во-первых, п. 2 ст. 64.1 ГК РФ устанавливает правило об ответственности членов ликвидационной комиссии (ликвидатора) перед кредиторами за убытки, причиненные недобросовестными и неразумными действиями этих лиц, то есть по основаниям, предусмотренным ст. 53.1 ГК РФ. Во-вторых, п. 3 ст. 64.2 ГК РФ предусматривает правило, согласно которому исключение юридического лица из ЕГРЮЛ как недействующее не является препятствием для обращения кредиторов с требованием о возмещения убытков, причиненных лицами, указанными в ст. 53.1 ГК РФ.

Кроме того, ФЗ об ООО предусматривает отдельное положение закона, а именно п. 3.1. ст. 3 ФЗ об ООО, который устанавливает *субсидиарную ответственность* лиц, указанных в п. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ, которые действовали недобросовестно или неразумно, что повлекло неисполнение обязательства общества, которое было исключено из ЕГРЮЛ как недействующее. Таким образом, можно сказать, что норма п. 4 ст. 64.2 ГК РФ продолжается в специальном законодательстве. Рассмотрю подробнее вопросы правоприменения п. 3.1. ст. 3 ФЗ об ООО.

Так, по общему правилу, прекращение деятельности юридического лица является основанием для прекращения обязательств (ст. 419 ГК РФ), однако п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО устанавливает исключение из этого правила, указывая на субсидиарного должника, который своими недобросовестными и неразумными

действиями причинил убытки кредиторам. Необходимой предпосылкой применения п. 3.1. ст. 3 ФЗ об ООО является наличие акта государственного органа об исключении общества как недействующего.

Согласно п. 1 ст. 21.1 Федерального закона №129-ФЗ, юридическое лицо признается фактически прекратившим свою деятельность, если имеет место совокупность признаков¹. Указанные признаки были дополнены некоторыми разъяснениями высших инстанций. В частности, Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.01.2006 N 100² содержит указание на то, что для признания недействующим операции по счетам не должны проводиться ни по одному из них.

В юридической литературе преобладает подход, согласно которому признаки, указанные в статье Закона о государственной регистрации, не являются всеобъемлющими³. Они призваны установить лишь презумпцию того, что юридическое лицо является фактически недействующим⁴.

Судебная практика указывает, что даже если организация соответствует всем признакам недействующего юридического лица, решение об исключении из ЕГРЮЛ не может быть принято в случае, если оно фактически действует⁵. На мой взгляд, это разъяснение не является директивой для регистрирующего органа. Он руководствуется критериями, установленными законом. При этом такое разъяснение защищает право кредиторов и других лиц на обжалование акта

---

¹ Организация не предоставляет документы отчетности, которые предусмотрены законодательством о налогах и сборах в течение последних 12 месяцев; организация не осуществляет операция хотя бы по одному банковскому счету в течение последних 12 месяцев.

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.01.2006 N 100 «О некоторых особенностях, связанных с применением статьи 21.1 Федерального закона "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.

³ Гаврилина М.Ю. Недействующее юридическое лицо: понятие и порядок исключения из ЕГРЮЛ // Право и бизнес. 2022. N 3. С. 29 - 33.

⁴ Ломакин Д.В. Проблемы гражданско-правовой ответственности субъектов, контролировавших исключенное из единого государственного реестра юридических лиц недействующее общество с ограниченной ответственностью. Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. N 4. С. 38.

⁵ п. 24 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.06.2021; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 марта 2020 г. по делу N A56-117175/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2017 г. по делу N A40-166011/2016 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

об исключении. Судебная практика, которая дополняет условия для недействующего юридического лица, релевантна для споров, в рамках которых оспариваются соответствующие акты органов, но не для применения положений рассматриваемой статьи ФЗ Об ООО.

Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что для регистрирующего органа достаточно двух критериев, а судебная практика по обжалованию этих решений выявила и другие признаки недействующего юридического лица. В судебной практике есть решения, которые противоречат логике п.3.1. ст. 3 ФЗ Об ООО. Так, в одном из дел суд отказал в иске ввиду того, что должник был ликвидирован в связи с недостоверностью юридического адреса, а следовательно, по мнению суда, не имеется причин считать, что лицо было недействующим, и оснований для применения п. 3.1 ст. 3 Закона Об ООО¹. Конечно, такое решение является неверным применением нормы. Поэтому суду необходимо применять п. 3.1 ст. 3 ФЗ Об ООО, как только решение соответствующего регистрирующего органа было принято. Иначе на кредиторов исключенного из реестра общества возлагается обязанность по восстановлению правоспособности юридического лица посредством обжалования акта об исключении. Однако в такой ситуации указанная норма уже неприменима, так как правоспособность основного должника по обязательству восстановлена.

При этом акт об исключении представляет собой многоступенчатый процесс, которые предполагает определенные этапы². В связи с многоэтапностью процесса заинтересованным лица предоставлено право предотвратить исключение общества из ЕГРЮЛ³.

---

¹ Постановление Арбитражного Суда Дальневосточного округа от 15.01.2020 по делу N A73-9726/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Принятие решения о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ: публикация в "Вестнике государственной регистрации" (в течение 3 дней) решения о предстоящем исключении юридического лица и сведений о порядке и сроках направления мотивированных возражений; возможность направления самим юридическим лицом и кредиторами возражений в течение 3 месяцев со дня опубликования решения о предстоящем исключении; при отсутствии мотивированных возражений - принятие решения о ликвидации.

³ пунктами 3 и 4 статьи 21.1 ФЗ от 08.08.2002 г. №129-ФЗ лицам, чьи права и законные интересы затрагиваются в связи с исключением недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ, предоставляется возможность подать мотивированное заявление, при получении которого регистрирующий орган не принимает решение об исключении недействующего юридического лица из реестра.

При этом, согласно позиции Верховного Суда РФ, разумным и добросовестным поведением кредитора недействующего лица является использование предоставленного права на возражения против ликвидации¹. То есть кредитору следует сначала обратиться с заявлением в регистрирующий орган с целью предотвратить исключение должника из реестра или доказать, что кредитор *действовал добросовестно, хотя и не обращался с заявлением* для предотвращения исключения из ЕГРЮЛ². Безусловно, восстановление правоспособности исключенного из ЕГРЮЛ общества влечет невозможность применения п.3.1 ст.3 ФЗ Об ООО³. Однако у кредиторов *нет обязанности обжалования акта исключения из ЕГРЮЛ*, к тому же, такое оспаривание не влечет непосредственного восстановления имущественной сферы кредитора.

Несмотря на важное значение акта об исключении общества как недействующего законодатель закрепил в норме п. 3.1. ст. 3 ФЗ об ООО именно состав гражданско-правовой ответственности, но не «доктрину потерянного шанса»⁴, которая предусматривает право взыскать убытки в силу одного лишь факта утраты шанса (например, пропуск юристом срока на обжалование судебного акта утрачивает шанс на рассмотрение дела в следующей судебной инстанции). Именно поэтому одно лишь наличие акта об исключении общества не является основанием ответственности. Оно заключается в совершении субъектом, указанным в п.1-3 ст. 53.1 ГК РФ, виновные недобросовестных и неразумных действий, которые причинили кредитору убытки.

При этом состав ответственности, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. N 20-П, образуют следующие

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 N 18-КГ22-105-К4; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 N 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Определение ВС РФ от 08.10.2021 № 304-ЭС21-18637 по делу № А03-6737/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 N 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

⁴ Graziano T.K. The "Loss of a Chance" in European Private Law: "All or Nothing" or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation // Causation in Law / ed. by L. Tichy. Prague, 2007. P. 133

элементы: образовавшиеся в связи с исключением из ЕГРЮЛ юридического лица убытки его кредиторов, недобросовестность и (или) неразумность действий (бездействия) контролирующих хозяйствующий субъект лиц при осуществлении принадлежащих им прав и исполнении обязанностей в отношении общества, причинная связь между указанными обстоятельствами, а также вина таких лиц образуют необходимую совокупность условий для привлечения их к ответственности¹. Так, суды признают, что вывод активов в пользу самих контролирующих лиц или же в пользу аффилированных лиц является недобросовестным поведением². Сама норма п.3.1 ст. 3 ФЗ Об ООО предполагает защиту нарушенного субъективного права кредитора, которое заключается в том, что контролирующее лицо совершает виновные (недобросовестные и неразумные) действия, которые *сами по себе влекут невозможность удовлетворения требований кредиторов*. То есть если представить, что общество не было исключено из реестра, кредиторы остаются перед обесточенным юридическим лицом, которое в силу вывода имущества или других недобросовестных действий не способно отвечать по обязательствам вовсе.

Кроме того, механизм, предусмотренный п.3.1 ст. 3 ФЗ об ООО, очень близок к субсидиарной ответственности в банкротстве. Такой вывод напрашивается в виду следующей позиции Верховного Суда РФ.

Так, Верховный Суд РФ указывает, что суд нижестоящей инстанции правомерно отказал истцу в удовлетворении требований по п.3.1. ст. 3 ФЗ «Об ООО», когда имел место факт «недоказанности обстоятельств, свидетельствующих, что стало неспособным исполнять обязательства перед кредиторами, то есть фактически за *доведение до банкротства*»³. Примененная

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.

² Определение ВС РФ от 27.07.2022 № 310-ЭС22-11804 по делу № А48-4916/2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2021 N 310-ЭС20-23101 по делу N А09-3109/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

в данном случае терминология указывает на то, что для удовлетворения требований по п.3.1. ст. 3 ФЗ «Об ООО» должен выполняться скрытый при первом приближении критерий – наличие состояния объективного банкротства должника на момент его исключения из ЕГРЮЛ, которое возникло в результате действий контролирующих лиц. При этом, в п. 20 Постановления Пленума №53 Верховный Суд РФ указывает, что разграничение применения норм гражданского законодательства об убытках (в том числе ст. 53.1. ГК РФ) и ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» заключается в том, привели ли действия контролирующих субъектов к объективному банкротству или нет. В случае доказанности факта объективного банкротства как следствия недобросовестных и неразумных действий контролирующих лиц, должна применяться ст. 61.11 ФЗ «О банкротстве»¹. Получается, что в упомянутом выше судебном решении в случае доказанности состояния объективного банкротства п. 3.1. ст. 3 ФЗ «Об ООО» *уже* не применим, ввиду того, что применению подлежат нормы ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Так, Верховный Суд РФ в данном решении предпринял попытку унификации рассматриваемых видов ответственности, указав на то, что объективное банкротство организации имеет значение для возложения обязанности по возмещению убытков на контролирующих субъектов как для корпоративной ответственности, так и для субсидиарной ответственности в банкротстве.

Считаю, что возложение на контролирующее лицо ответственности за фактическое доведение до банкротства впоследствии исключенного из реестра общества является более теоретически обоснованным толкованием нормы. Именно такое понимание учитывает особенность деликта контролирующего субъекта, так как только в случае объективного банкротства должника можно говорить о том, что именно действия контролирующих субъектов привели к

---

¹ Абз. 2 п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». // Российская газета. №297. 29.12.2017.

неспособности общества отвечать по обязательствам перед кредиторами, а не принятие акта об исключении его из ЕГРЮЛ.

Размер обязательств определяется величиной убытков (ст. 15 ГК РФ). Рассматриваемый п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» был введен ФЗ от 28.12.2016 года №488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. При этом вступление в силу новой нормы было отложено с промежутком в 180 дней со дня опубликования, поэтому п. 3.1. ст. 3 ФЗ «№Об ООО» следует считать вступившим в силу с 28.06.2017 года.

Таким образом, если обязательства, включаемые в размер субсидиарной ответственности, возникли до 28.06.2017 года, то положение п. 3.1. ст. 3 ФЗ «Об ООО» не применяется к этим правоотношениям, что влечет безусловный отказ суда в удовлетворении соответствующих требований.

Однако в Письме ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148² налоговый орган указывает, что введенное положение п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» устанавливает процессуальные нормы, но не материальные требования. В письме указано, что у кредиторов и раньше было право возложить ответственность на контролирующее лицо в силу ст. 53.1 ГК РФ, однако с момента внесения изменений в ФЗ «Об ООО» появилось специальное процессуальное описание. Аналогичного подхода придерживаются некоторые авторы придерживаются такой же точки зрения. В частности, С.И. Соболев отмечает, что если бы ответственность наступала за сам факт исключения из ЕГРЮЛ, то норма п.3.1. ст. 3 ФЗ «Об ООО» устанавливала бы новое основание ответственности³. Однако судебная практика относится к п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» как к новой материально- правовой норме, которая применяется к

---

¹ Федеральный закон от 28.12.2016 N 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. №1. Ст. 29.

² Письмо ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Соболев С.И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 6. С. 52.

отношениям, возникшим в период возникновения правоотношений¹, что является правильным, ведь ст. 53.1 ГК РФ предусматривает внутреннюю корпоративную ответственность, а п.3.1 ст. 3 ФЗ об ООО – внешнюю.

В рамках настоящего исследования, направленного на изучение системы норм об ответственности контролирующих субъектов по обязательствам юридического лица и формулирование предложений по унификации законодательства и практики, важно указать на следующее. Административная ликвидация является разновидностью принудительной ликвидации. Сама ликвидация общества сопряжена с установленной законом процедурой относительно порядка удовлетворения требований кредиторов юридического лица (ст. 64 ГК РФ). Кроме того, нормы о ликвидации устанавливают обязанность по обращению уполномоченного лица в суд с заявлением о банкротстве в случае недостаточности имущества для погашения требований кредиторов (п.3 ст. 64 ГК РФ). При этом само законодательство о банкротстве предусматривает отдельные нормы о банкротстве ликвидируемого (§ 1 Главы XI Закона о банкротстве) должника. Таким образом, нормы о ликвидации и банкротстве должника предоставляют кредиторам совокупность гарантий по удовлетворению таких требований, в том числе привлечение контролирующих должника лиц к ответственности по ст. 61.11 и ст. 61.12 Закона о банкротстве. При этом административная ликвидация лишает кредиторов действия таких норм.

В уже рассмотренной позиции Верховного Суда РФ состав ответственности по п.3.1 ст. 3 ФЗ об ООО и ст. 61.11 Закона о банкротстве близки по своей правовой конструкции. В виду чего, полагаю, что ряд презумпций, применимых к спорам о привлечении лица к субсидиарной ответственности в банкротстве, должен быть распространен на практику применения п.3.1. ст. 3 ФЗ об ООО, в случае если позиция Верховного Суда РФ, согласно которой лицо по п.3.1. ст. 3

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 N 18-КГ22-105-К4 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

ФЗ об ООО отвечает фактически за доведение до банкротства, примет устоявшийся характер и станет правовой позицией о толковании нормы.

Таким образом, в российском праве система ответственности контролирующих субъектов за убытки, причиненные кредиторам, основывается на нескольких нормах корпоративного законодательства и институте субсидиарной ответственности, предусмотренном Законом о банкротстве. Однако если для корпоративного права возложение такой ответственности является исключением, а не правилом, что соответствует пониманию принципов ограниченной ответственности и агентского иммунитета как незыблемых, то для субсидиарной ответственности в банкротстве исключительный характер применения таких механизмов уже перестал быть актуальным, что нельзя признать правильным подходом. Складывается впечатление, что возбуждение дела о банкротстве приводит к неизбежному смешению имущественной массы контролирующего должника лица и самого должника.

Сконцентрировав внимание на корпоративной ответственности, важно отметить, что норма п.3.1. ст. 3 ФЗ об ООО на сегодняшний день распространена только на одну организационно-правовую форму – общество с ограниченной ответственностью, что порождает вопрос о возможном появлении аналогичного механизма для акционерных обществ, что было бы правильным с точки зрения системы норм об ответственности. При этом данное положение закона компенсирует неудавшийся законодательный эксперимент - процедуру банкротства отсутствующего должника (§ 2 Главы XI Закона о банкротстве).

Стоит признать, что система внешней и внутренней корпоративной ответственности на сегодняшний день является развитой и логически выверенной, основанной на ключевом положении (ст. 53.1 ГК РФ) Гражданского Кодекса РФ.

Глава 2. Субсидиарная ответственность в процессе несостоятельности (банкротства): проблемы правового регулирования

2.1. Субъект субсидиарной ответственности в процессе несостоятельности (банкротства)

Субъектом субсидиарной ответственности при банкротстве является контролирующее должника лицо. Законодательная дефиниция такого субъекта определена в ст. 61.10 Закона о банкротстве, согласно которой, контролирующим должника лицом является физическое или юридическое лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению условий.

В указанной статье содержится ряд ориентирующих положений, при наличии которых *может* достигаться контроль, а также некоторые опровергимые *презумпции*. Так, презюмируется статус контролирующего должника лица в отношении руководителя должника (управляющей организации); лиц, которые обладают правом распоряжаться более, чем 50% голосующих акций или долей уставного капитала; а также лица, обладающие более, чем половиной голосов на общем собрании участников или имеющие возможность назначать руководителя организации. Аналогично презумпция установлена в отношении лиц, которые являются бенефициарами недобросовестного и незаконного поведения лиц, перечисленных в ст. 53.1 ГК РФ.

Таким образом, законодательно закреплен открытый перечень субъектов, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности (п.5 ст. 61.10 Закона о банкротстве), кроме того, перечень является открытым и без прямого указания закона ввиду того, что признается контролирующим лицо, которое исходя из фактических обстоятельств может определять действия и решения юридического лица. Сама ст. 61.10 Закона о банкротстве была введена ФЗ от 207.2017 № 266-ФЗ, а, значит, применяется только к тем лицам, которые являются контролирующими с указанного момента времени ввиду того, что данная норма

является материальной нормой права, а Закон о банкротстве является актом гражданского законодательства, которому не предана обратная сила в законе, который ввел ее в действие. К отношениям, возникшим до указанного периода, применяются положения ст. 10 Закона о банкротстве в редакции ФЗ от 28.06.2023 года №134-ФЗ¹.

Круг субъектов, потенциально являющихся контролирующими, очерчен временными рамками: тремя годами, предшествующими возникновению признаков банкротства. Объективным ограничением времени привлечения является момент возбуждения дела о банкротстве. Некоторые исследователи полагают, что такое временное ограничение не несет в себе правового смысла². Кроме того, законодательство о банкротстве в зарубежных юрисдикциях не предусматривает установления временных рамок для признания статуса контролирующего должника лица, а устанавливают срок исковой давности по требованиям о привлечении к ответственности (sec. 212 Insolvency Act 1986 the UK³, L. 651-2, L. 652-1 Code de Commerce France⁴). Однако, установление трехгодичного срока признания лица контролирующим субъектом правомерно ограничивает действие презумпций, оптимизирует нагрузку на арбитражных управляющих при ознакомлении с документацией должника и привлечении к субсидиарной ответственности, а также согласуется со сроком подозрительности, применимого к оспариванию сделок, равный трем годам.

При этом три года отсчитываются с момента возникновения признаков банкротства. Согласно ст. 3 Закона о банкротстве, признаком банкротства юридического лица является неспособность удовлетворить требования в течение

---

¹ Федеральный закон от 28.06.2013 N 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // СЗ РФ. № 26. 2013. Ст. 3207.

² Покровский С. С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства: канд. ... дисс. Санкт-Петербург. 2017. С. 130.

³ URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/> / <http://www.insolvency.gov.uk/insolvencyprofessionandlegislation/legislation/uk/insolvencyact.pdf>

⁴ Коммерческий кодекс Франции / предисловие, перевод с французского, дополнение, словарь-справочник и комментарии В.Н. Захватаева. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 1272.

трех месяцев – то есть неплатёжеспособность. Однако в рамках практики Верховного Суда РФ был выработан другой ориентир – признаки объективного банкротства должника¹. Данная категория на сегодняшний момент понимается как превышение совокупного размера обязательств над реальной стоимостью активов организации. Таким образом, для выявления такого момента необходим анализ документов финансовой и бухгалтерской отчетности, в рамках которой должны быть сопоставлены рыночная стоимость активов общества (именно она является реальной в силу ст. 7 ФЗ «Об оценочной деятельности»), а также совокупного размера обязательств.

При этом отрицательная стоимость чистых активов не является достаточным основанием для признания банкротства, поскольку объективное банкротство представляет собой невозможность отвечать по требованиям не в конкретный момент времени, а перманентное и невозвратное состояние банкротства². В судебных решениях подробно исследуются доказательства относительно возникновения признаков объективного банкротства, рассчитываются коэффициенты обеспеченности обязательств и тенденции экономического состояния организации³. В связи с чем можно констатировать факт того, что закон содержит устаревшую категорию «признаки банкротства», которая на сегодняшний день заменена на категорию «объективного банкротства». Она в свою очередь является более комплексной и правомерно усложненной категорией, соответствующей целям правового регулирования института субсидиарной ответственности, как исключительного механизма восстановления имущественных прав кредиторов.

Обобщая перечень субъектов ответственности, которые указаны в ст. 61.10 Закона о банкротстве, важно уточнить, что они определены законодателем исходя

---

¹ Определение ВС РФ от 20.07.2017 №309-ЭС17-1801 по делу №А50-5458/2015 // СПС «Консультант Плюс».

² Хлопцов Д.М., Беломытцева О.С., Баландина А.С. О методике определения даты объективного банкротства организаций // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. N 1. С. 36.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2022 N 09АП-51338/2022, 09АП-53455/2022 по делу N A40-19478/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

из целей института субсидиарной ответственности, которые заключаются в восстановлении нарушенных прав кредиторов вследствие недобросовестных и неразумных действий контролирующих субъектов¹. Именно поэтому в Законе определен круг лиц, которые могут определять волю и действия юридического лица, а соответственно именно им доступно злоупотребление конструкцией юридического лица, которая предполагает ограниченную ответственность. Контроль над юридическим лицом осуществляется посредством контроля над его сделками. При этом фактические контролеры (например, реальные директора, которые действуют при наличии номинальных) также могут определять действия и решения, принимаемые юридическим лицом. Кроме того, Конституционный Суд неоднократно указывал на то, что субсидиарная ответственность может быть возложена только в определенных законом случаях². Именно исходя из *принципа numerus clauses* законодатель закрепляет возможные варианты таких контролирующих субъектов. Данный принцип необходим ввиду особой защиты ограниченной ответственности участников и агентского иммунитета контролирующих субъектов (директоров) по обязательствам корпорации, а также принципа исключительности и экстраординарности привлечения их к ответственности по долгам организации. Кроме того, в современном законодательстве о банкротстве закреплена штрафная функция субсидиарной ответственности контролирующих лиц – она не может быть погашена в рамках индивидуального банкротства привлеченного к ответственности субъекта, а также включается в долговые обязательства наследственной массы.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2019 N 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 200 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина В.А. Нужина» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2019.

На практике выявление бенефициаров, действительных контролирующих лиц бывает затруднительно. При этом в практике преобладает расширительное толкование в части определения ответственного субъекта, который основывается на установленном в Законе о банкротстве открытом перечне субъектов.

Так, долги наследодателя по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности подлежат взысканию также с наследников такого лица, в случае если решение по делу вступило в силу до смерти наследодателя, даже несмотря на то, что в основании субсидиарной ответственности лежит деликтное обязательство, которое, казалось бы, неразрывно связано с личностью должника¹. При наследовании выморочного имущества право кредиторов на погашение своих требований из судебного решения о привлечении лица к субсидиарной ответственности за счет этого имущества сохраняется². Осложняется ситуация с обоснованием привлечения наследников, когда итоговое решение по обособленному спору еще не вынесено, однако дело о банкротстве было возбуждено. При этом Верховный Суд РФ указал, что даже в данном случае заявление о привлечении к субсидиарной ответственности предъявляется либо к наследникам, либо к наследственной массе³. В данном случае явная информационная слабость наследников в качестве ответчиков по такому заявлению должна быть компенсирована посредством предоставления больших процессуальных прав (наряду с обязанностями) в рамках основного дела о банкротстве, которые на сегодняшний день не предусмотрены Законом о банкротстве. Еще более сложная ситуация, если наследодатель (потенциальный ответчик по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности) умирает до возбуждения дела о банкротстве. Такая проблема не была предметом

---

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2019 года N 303-ЭС19-15056 по делу N A04-7886/2016 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2022 N 15АП-2981/2022 по делу N А53-33459/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2020 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2020.

рассмотрения в судебной практике, но исследователи указывают, что и в такой ситуации наследники оказываются без каких-либо гарантий¹ и могут быть признаны судом выгодоприобретателями незаконного и недобросовестного поведения наследодателя, контролирующего должника лица (пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве), в отношении них также установлена презумпция статуса контролирующего должника лица, что не является в достаточной степени соразмерным.

Очевидно, что контролирующим должника может быть признан субъект, независимо от названия занимаемой в организации должности, в данном случае существенным для дела обстоятельством будет являться совокупность его полномочий: коммерческий директор², директор по техническим вопросам³, исполнительный директор⁴, главный бухгалтер⁵.

Кроме того, представляется возможным привлечение контрагентов должника к субсидиарной ответственности ввиду следующего. Контролирующим должника лицом (ст. 61.10 Закона о банкротстве) может быть субъект, который в силу своего положения может давать обязательные указания должнику. Такие отношения могут основываться как на корпоративной структуре, которая указана в пп.2 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, однако могут проистекать из договорных отношений. В данном случае возможно две ситуации: во-первых, «кабальные» сделки, когда должник был «слабым» контрагентом, а его сильный деловой партнер мог манипулировать и навязывать решения (в данном случае контрагент может рассматриваться как «фактический контролер»); во-вторых, возможна ситуация, когда право давать обязательные

---

¹ Корабель С.В., Григорьева А.Б. Привлечение наследников к субсидиарной ответственности за деятельность наследодателя // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 8. С. 71 - 74.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-218194/2016 от 28 июня 2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Решение Арбитражного суда Алтайского края по делу № А03-9933/2018 от 12 апреля 2019 г. Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

⁴ Постановление 13 Арбитражного Апелляционного Суда по делу А56-70355/2017/суб.1 от 20.05.2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

⁵ Постановление 15 Арбитражного апелляционного суда по делу А53-6904-60/2017 от 22 февраля 2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

указания проистекает из легальной договорной конструкции, например, из договора коммерческой концессии (ст. 1027 ГК РФ). Так, ст. 1033 ГК РФ устанавливает ограничения, которые распространяются на деятельность правообладателя и пользователя в случае заключения договора и указания на эти условия в нем. При этом правообладатель может обязать пользователя не конкурировать с ним на определенной территории; согласовывать место расположения коммерческих помещений; оказывать услуги и продавать товары по указанным правообладателем ценам; обязывать пользователя придерживаться определенного оформления товаров и услуг – таким образом на законном уровне возникают отношения контроля между двумя контрагентами. В рамках корпоративных отношений такая ситуация может быть признана установлением отношений «основное общество-дочернее», иными словами, холдинговая структура (п. 1 ст. 67.3 ГК РФ). Полагаю, что в некоторых ситуациях, при доказанности определенных обстоятельств, привлечение такого контролирующего контрагента в качестве контролирующего должника лица представляется возможным. В практике Верховного Суда РФ встречаются решения о привлечении контрагентов должника к субсидиарной ответственности, при этом ключевым обстоятельством помимо отношения контроля является причинно-следственная связь между заключением договора и объективным банкротством должника¹.

Субсидиарная ответственность в корпоративной структуре возможна в случае, если организация является некоммерческой и не отнесена к перечню организаций, которые не могут быть признаны несостоятельными (банкротами) (п. 1 ст. 65 ГК РФ). Однако в большинстве случаев суды справедливо отказывают в удовлетворении требований о привлечении к субсидиарной ответственности, так как даже при наличии статуса контролирующего лица у него отсутствует другой признак состава ответственности – виновные и противоправные

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2023 N 308-ЭС19-21172(3-6) по делу N A32-36069/2016 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

действия, которые привели к объективному банкротству¹. В случае с некоммерческими корпорациями оно возникает в результате неоплаты членских взносов, невыплаты (несвоевременной выплаты) предусмотренных субсидий и так далее.

Хотелось бы обозначить круг процессуальных возможностей контролирующего должника лица в деле о банкротстве и в обособленном споре о привлечении его к субсидиарной ответственности. Как указал Верховный Суд РФ, лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности в банкротстве, обладает процессуальными правами и обязанностями только в рамках данного обособленного спора, но не по делу о банкротстве². Однако в 2021 году Верховный Суд правомерно изменил свою позицию по данному вопросу в виду того, что размер ответственности контролирующего должника лица определяется разницей между объемом требований, включенных в реестр, и объемом конкурсной массы, а указанные величины определяются в деле о банкротстве. Таким образом, руководствуясь положениями ст. 46 Конституции РФ, а также Арбитражного процессуального законодательства, Верховный Суд РФ, защищая право на судебную защиту, признал за ответчиком по обособленному спору о привлечении к субсидиарной ответственности право обратиться с жалобой на арбитражного управляющего в деле о банкротстве, если его действия повлияли на определения размера требования по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности. Представляется, что приведенная Верховным Судом РФ логика применима к другим процессуальным правам, которые касаются оспаривания сделок, пополнения конкурсной массы и других действий, влияющих на размер конкурсной массы и реестра требований кредиторов, и как следствие на размер ответственности контролирующего должника лица. При этом в 2021

---

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.05.2022 N Ф09-2037/22 по делу N А50-28001/2018; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.04.2023 N Ф06-4741/2021 по делу N А72-19400/2018; Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 11.04.2023 N Ф06-4741/2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2020 N 305-ЭС20-788 по делу N А40-108590/2017 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

Конституционный Суд РФ признал неконституционным положения, которые ограничивают право КДЛ обжаловать акты о включении в реестр требований кредиторов¹.

Попытка восполнения пробела в правовом регулировании процессуальных прав и обязанностей ответчика по обособленному спору о привлечении к субсидиарной ответственности была предпринята посредством введения в ст. 34 Закона о банкротстве пункта четвертого², которому предана обратная сила. Он предоставляет контролирующему должника лицу право ходатайствовать перед судом о привлечении его к делу о банкротстве, при этом после удовлетворения мотивированного ходатайства контролирующее должника лица вправе принимать участие в деле о банкротстве только при разрешении вопросов, которые могут повлиять на размер ответственности. Предоставляется также право обжалования вынесенных по этим вопросам судебных актов.

Анализируя данное положения Закона, важно указать, что презумпция статуса контролирующего должника лица установлена в отношении ограниченного количества лиц, этот статус подлежит установлению посредством доказывания в отношении остальных. Получается, что, если предполагаемое контролирующее должника лицо беспокоится о своем положении, он сам должен сначала доказать суду, что он является контролирующим должника лицом, чтобы получить ограниченный комплекс процессуальных возможностей, чем конечно, могут воспользоваться лица, которые обладают правом привлечения субъектов к субсидиарной ответственности. При этом сам же факт обращения с заявлением о привлечении лица к субсидиарной ответственности не может быть достаточным основанием для признания лица контролирующим, а значит обязанность мотивировать ходатайство для тех потенциальных контролирующих лиц

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 N 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова» // С3 РФ. 2021. № 48. Ст. 8141.

² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)"» от 21.11.2022 №452-ФЗ // С3 РФ. 2022. № 48. Ст. 8319.

является фактически свидетельствованием против самого себя. К тому же в рамках данного обоснованного спора могут произойти изменения: замена ответчика, привлечение со ответчиков и другие. Таким образом, полагаю, что законодатель чрезмерно требует «мотивированного» ходатайства в данном случае. К тому же, кажется разумным автоматическое предоставление ответчику прав, указанных в абз. 2 п. 4 ст. 34 Закона о банкротстве при обращении к нему с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности.

Еще один вопрос, который ставит перед правоприменителем новое положение Закона, касается вопроса о признании вины. Заявление ходатайства перед судом не означает признания вины контролирующего должника лица (ст. 34 Закона о банкротстве). Однако применительно к составам ст. 61.11 и ст. 61.12 Закона о банкротстве установлена презумпция вины ответчика, она также подкреплена позицией Верховного Суда РФ¹. Поэтому комментируемое положение Закона вряд ли имеет правозащитный смысл и лишь декларативно защищает ответчика по спору о привлечении к субсидиарной ответственности.

Указанное положение Закона напрямую не предоставляет ответчику по спору о привлечении к субсидиарной ответственности право возражать против включения определенных требований в реестр даже после удовлетворения мотивированного ходатайства. Так, п. 2 ст. 71 Закона о банкротстве устанавливает перечень субъектов, которые могут *возражать против включения требований*, среди них есть участники (учредители) должника, а также представитель собственника имущества должника – однако важно уточнить, что в данном положении закона они указаны не как потенциальные контролирующие лица, а как *получатели ликвидационной доли* (части имущества после расчета с кредиторами должника), как кредиторы самого должника. Однако те изменения, которые впоследствии были внесены законодателем в п.4 ст. 34 Закона о

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

банкротстве, не в полной мере позволяют гарантировать эти процессуальные права контролирующему должника лицу в виду вышеизложенного.

Поэтому на данном этапе необходимо с достаточной степенью правовой определенности установить в качестве процессуальных прав ответчиков по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности следующие процессуальные гарантии:

- 1) право заявлять возражения относительно включения требований в реестр требований кредиторов (ст. 71 Закона о банкротстве);
- 2) право знакомиться с материалами дела о банкротстве;
- 3) право присутствовать на первом собрании кредиторов (для реализации потенциальной возможности отстранения арбитражного управляющего, а также жалобы на оценщика имущества, выбранного собранием кредиторов для оценки имущества конкурсной массы, а также для контроля за оценкой недвижимости) (ст. 72 Закона о банкротстве);
- 4) право подавать жалобу в арбитражный суд и в саморегулируемую организацию на действия арбитражного управляющего по включению необоснованных требований в реестр, против которых поступили возражения (абзаца второго пункта 1 статьи 20, абзаца третьего пункта 2 статьи 20.3, пункта 1 статьи 129, абзаца девятого пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве и части 1 статьи 131 Арбитражного процессуального кодекса РФ (*далее АПК*)); в случае непринятия мер по защите имущества должника, а также при неразумном и необоснованном расходовании средств, которое повлекло уменьшение имущества конкурсной массы.
- 5) право обжалования незаконных действий конкурсного управляющего по не взысканию дебиторской задолженности;
- 6) право требовать перед судом субординации требований аффилированных кредиторов;
- 7) отдельные права должны быть предусмотрены в случае привлечения лица к субсидиарной ответственности с участием наследников такого лица.

Все указанные законодательные гарантии приведут к более справедливому судебному разбирательству в рамках спора о привлечении к субсидиарной ответственности в банкротстве, так как на сегодняшний день Закон о банкротстве предусматривает ряд презумпций, направленных против ответчика по такому спору, не предоставляемых взамен процессуальных прав и других законных гарантий.

Таким образом, подводя итог, Закон исчерпывающим образом описывает круг тех субъектов, которые могут незаконно извлекать выгоду из причинения вреда организации, а также впоследствии кредиторам должника. Можно сказать, что несмотря на открытый перечень оснований возникновения статуса контролирующего должника лица, в данном случае соблюдается выявленный Конституционным Судом РФ принцип «*numerus clausus*». Однако очевидным недостатком современного законодательства является явное несоответствие бремени, которое возлагается на субъекта в случае привлечения его к субсидиарной ответственности (а именно пожизненный и наследуемый долг перед кредиторами), и тех процессуальных прав, которые могли бы служить гарантией права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательства. Именно поэтому ключевыми правами ответчика по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности должны быть право на возражение при включении требований в реестр; право на подачу жалобы на арбитражного управляющего в случае причинения вреда конкурсной массе и несохранности имущества; право на заявления перед судом ходатайство о субординации требований аффилированных кредиторов; право на информацию о финансовом состоянии должника и о совершаемых должником сделках, если этот субъект в силу своего положения (в том числе должностного) не имел доступа к такой информации; право присутствовать при принятии решений Собранием или Комитетом кредиторов для выявления возможных злоупотреблений при оценке имущества, входящего в конкурсную массу, при определении кандидатуры арбитражного управляющего. Указанные права должны быть предусмотрены в Законе о банкротстве.

2.2. Ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов

Положение ст. 61.11 Закона о банкротстве предусматривает правила об ответственности контролирующего должника лица, если его действиями или бездействиями обусловлена невозможность погашения требований кредиторов. Действительное предназначение данной нормы можно увидеть в ряде разъяснений высших судебных инстанций, которые указывают, что ответственность за невозможность полного удовлетворения требований кредиторов возлагается в случае, если противоправные и виновные действия контролирующего лица явились необходимой причиной банкротства должника – то есть ответственность за доведение до банкротства¹. Причем, как указал Конституционный Суд РФ, субсидиарная ответственность за невозможность погашения требований с точки зрения гражданского права представляет собой *деликтное обязательство* (обязательство из причинения вреда), которое выражается в совершение недобросовестных и неразумных действий контролирующего субъекта, которые с неизбежностью привели к банкротству организации и как следствие невозможностью расчета с кредиторами². При этом ядро правонарушения составляют недобросовестные и неразумные действия, а существенное значение имеет состояние объективного банкротства, которое было вызвано этими действиями.

При этом п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве устанавливает ряд презумпций в отношении причинно-следственной связи между определенными действиями контролирующих лиц и причинением вреда кредиторам.

---

¹ Пункт 16 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

² Пункт 1.3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 N 50-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданки Л.В. Ваулиной»; п. 2, 6 и 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»; п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2021) от 10 ноября 2021 года.

Так, пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве предусматривает, что вред кредиторам презюмируется, если совершены сделки, которые причиняют существенный вред должнику. При этом понятие существенного вреда является оценочным. Согласно толкованию рассматриваемой категории, которое содержится в п. 23 Постановления Пленума №53, существенный вред может возникнуть в результате совершения от имени должника значимых для него сделок (количественный критерий), при этом являющихся убыточными (качественный критерий). Убыточность сделки, согласно позиции Верховного Суда РФ, может выражаться в явно неравноценном встречном представлении по сделке (на отличных от рынка условиях для подобных сделок), а также в утрате прибыльных активов (или даже производств) организации.

Важным дополнением, содержащимся в абз. 2 п. 23 Постановления Пленума №53, является то, что одобрение такой сделки коллегиальным органом управления не может являться основанием для освобождения контролирующего должника лица от субсидиарной ответственности. Причем, Верховный Суд РФ не использует формулировку «пока не доказано иное», «презюмируется», «если не доказано обратное». В данном случае интересно следующее замечание. Так, п. 2 ст. 67.3 ГК РФ предусматривает исключение из солидарной ответственности основного общества по обязательствам дочернего в случае одобрения сделки общим собранием или коллегиальным органом управления дочернего общества. Безусловно, основное общество будет нести субсидиарную ответственность при банкротстве дочернего общества, которое возникло по его *вине*. Однако взаимосвязанное толкование положений ст. 67.3 ГК РФ указывает на то, что солидарное обязательство исчезает, когда дочернее общество принимает «свое» внутреннее решение в отношении совершения сделки, значит, в этот момент, в отношении такой сделки как бы утрачивается безусловный контроль основного общества над дочерним. Таким образом, участие в одобрении сделки коллегиальных органов управления, как минимум, исключает контроль единоличного контролирующего лица над указанной сделкой, а, значит, оно не может привлекаться к ответственности ввиду отсутствия надлежащего субъекта

(контролирующего должника лица). Думаю, что в данном случае Верховный Суд РФ выходит за пределы своей компетенции и подменяет своими разъяснениями положения закона, которые, на мой взгляд, нарушают стройность правового материала, если не создают противоречия в нем.

Явно убыточными сделками в судебной практике признаются: *вывод активов* (в судебном заседании был доказан вывод имущества на сумму более 60 млн. рублей по платежам с расчетного счета должника с неясными и необъяснимыми назначениями платежей)¹; *превышение оплаты по договору* подряда в сравнении с суммой, указанной в самом договоре (договор подряда был заключен на 161 млн рублей, однако оплата составила 284 млн рублей)²; *продажа квартира по договору долевого участия по заниженной цене* в совокупности с *зачетом обязательств дольщиков* по оплате доли против обязательства строителя о сроке сдачи квартиры (просрочка передачи квартиры по условиям договора долевого участия предполагала начисление процентов за каждый день просрочки строителя в размере 20% годовых)³; *вывод активов должника посредством цепочки сделок* через фактически не ведущую деятельность организацию (должник заключал договор с организацией, которая полностью контролировалась контролирующим должника лицом, который в свою очередь присваивал имущество)⁴. В рассмотренных судебных решениях суды привлекают контролирующих лиц к ответственности не за совершения сомнительных для гражданского оборота сделок, а именно за то, что такие сделки являлись порочными по своей природе (неизбежно убыточными), а также привели к объективному банкротству должника. Так как только в данном случае

---

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.04.2024 N Ф01-8230/2023 по делу N А43-18888/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2024 N Ф04-811/2021 по делу N А45-42079/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2024 N Ф04-811/2021 по делу N А45-42079/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2024 N Ф04-7304/2023 по делу N А45-16636/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

наличествует *reasonable nexus* для вменения всего размера требований кредиторов в качестве обязательства контролирующего субъекта.

При этом при отсутствии факта доведения до состояния банкротства при совершении убыточных сделок суды отказывают в удовлетворении требований о привлечении к субсидиарной ответственности. В частности, из-за неверного определения оценщиком цены товарного знака сделки по его отчуждению выглядели как сделки с явно неравноценным встречным предоставлением (плата за товарный знак была в 5 раз ниже указанной оценщиком стоимости), однако суд отказал в удовлетворении требований о привлечении к субсидиарной ответственности по положению пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, так как во-первых, сами сделки не были в действительности порочными, а во-вторых, не привели к состоянию банкротства организации (оно наступило вследствие независящих от субъектов причин)¹.

В связи с пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве суды последовательно рассматривают вопрос о возникновении признаков объективного банкротства в каждом конкретном случае. При этом согласно пп. 2 п. 12 ст. 61.12 Закона о банкротстве правоприменитель становится не связан установлением «доведения до банкротства». В данном положении законодатель предусматривает возможность возложения субсидиарной ответственности на контролирующее должника лицо, если его действия не привели к банкротству организации, однако после возникновения признаков неплатежеспособности такое лицо своими действиями *существенно ухудшило финансовое положение должника*. Таким образом, появляется еще одна оценочная категория по вопросу, в отношении которого должен быть предусмотрен принцип *numerus clausus*. Комментируя данный пункт, Верховный Суд РФ указывает, что существенное ухудшение

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.05.2023 N Ф05-6630/2023 по делу N А41-90788/2018 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

положение должника выражается в усилении диспропорции между стоимостью активов и размером обязательств должника¹.

Интересным примером из судебной по применению пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве является дело со следующими обстоятельствами². Так, 27.09.2016 года выносится решение об обязанности уплатить в бюджет 13 млн. рублей по результатам налоговой проверки общества. При этом общим собранием участников общества 19.09.2019 принимается решение о безвозмездной передаче права выкупа по ранее заключенным договорам лизинга в пользу аффилированной организации. В судебном решении эти обстоятельства изложены именно в такой последовательности, при этом в действительности сначала было проведено собрание, а только потом поступило решение по результатам налоговой проверки. При этом сделки в рамках группы компаний (аффилированных лиц) могут носить безвозмездный характер и сам безвозмездный характер не является основанием для признания сделки недействительной. Кроме того, участники и директор не могли знать до вынесения решения о проверке итоговую сумму недоимки, даже если сами прекрасно знали, что совершают налоговое правонарушение. Таким образом, объективное банкротство с достаточной степенью объективности возникло только после вынесения решения о взыскании недоимки (также этот момент мог быть отложен в случае реализации налогоплательщиком своего права на обжалование данного акта). Однако на момент принятия общим собранием решения об отчуждении имущества объективного банкротства не возникло. Безусловно, рассматривая другие обстоятельства дела возникают сомнения в добросовестности действия субъектов. Однако применение пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве в данном случае вызывает сомнение. Решение оставлено в силе соответствует общей тенденции по привлечении к субсидиарной

---

¹ п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

² Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2022 по делу N A57-408/2017 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

ответственности. На мой взгляд нарушители налогового законодательства в данном случае должны нести ответственность согласно публичному законодательству, а использование частноправовых механизмов для данных целей приводит к искажению всего института субсидиарной ответственности. Так, ст. 199 УК РФ предусматривает возложение ответственности на руководителя и иных лиц, подписывающих отчетность, за уклонение уплаты налогов.

Однако чаще всего важным дополнением к решению об удовлетворении требований о привлечении к субсидиарной ответственности является *нарушение контролирующими лицами обязанности по передаче документов о финансовой отчетности и об экономической деятельности*¹. Так, в соответствии с п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве, на руководителе должника (частный вид КДЛ) лежит обязанность по передаче бухгалтерской и иной документации должника в течение 3 дней с даты утверждения конкурсного управляющего. Суды указывают, что непередача документации свидетельствует о недобросовестном сокрытии имущества и информации должника, а также указывают это деяние в качестве основания для привлечения к субсидиарной ответственности². При этом факт передачи документов может быть признан судом недоказанным, например, представление в суд накладной курьерской службы не является доказательством передачи документов арбитражному управляющему³.

Такое формальное основание для вменения субсидиарной ответственности, которое не поименовано прямо в ст. 61.11 Закона о банкротстве, может распространяться только тех лиц, в распоряжении которых объективно может находится данная документация. Таким образом, за рамками указанной обязанности находятся фактически контролирующие лица, а также другие

---

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.04.2024 N Ф01-8230/2023 по делу N А43-18888/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.03.2024 N Ф05-23503/2021 по делу N А40-79827/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.04.2024 N Ф01-8230/2023 по делу N А43-18888/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

субъекты, которые в виду полномочий не могут исполнить указанную обязанность. Если руководитель должника является номинальным, то исполнить указанную обязанность он не может, поэтому фактического директора привлекают к ответственности за непередачу документов, а номинального директора рассматривают как сопричинителя вреда¹.

При этом важно указать на ключевую тенденцию в спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Несмотря на то, что с 2019 по 2023 год количество споров о привлечении к субсидиарной ответственности уменьшилось, процент удовлетворения требований по этим заявлениям непрерывно растет. В настоящий момент он достигает 52%, а общий объем присужденных требований составляет 217 млрд. рублей². Очевидна прокредиторская позиция правоприменителя по вопросам возложения субсидиарной ответственности. И кажется, что такой правовой механизм уже давно перестал быть экстраординарным, хотя такая характеристика указана в п.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №53. Действительно, в виду такой тенденции быть руководителем должника, главным бухгалтером, мажоритарным участником организации становится опасным. Скорее всего даже при передаче документов против такого лица будет подано заявление о привлечении его к субсидиарной ответственности, а это означает огромные издержки на консультирование юристов, временные издержки и скорее всего удовлетворение требований, что влечет обязанность погасить долг, составляющий весь реестр требований кредиторов.

Как было указано ранее, достаточных средств процессуальной защиты у таких лиц действующим законодательством не предусмотрено, но установлен ряд презумпций, опровергнуть которые сможет только квалифицированный юрист. При этом от непередачи документов страдают участники как спора о

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2022 N 309-ЭС21-21963(4) по делу N A50-27712/2015 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² [Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 30 июня 2023 - Федресурс \(fedresurs.ru\)](http://fedresurs.ru)

субсидиарной ответственности, так дела о банкротстве. Например, в ходе судебного разбирательства было выяснено, что из-за непередачи руководителем должника документации арбитражный управляющий не смог осуществить своевременное взыскание дебиторской задолженности в размере 56 000 000 рублей, которая могла бы способствовать существенному пополнению конкурсной массы, чем уменьшила бы возможный размер субсидиарной ответственности контролирующего руководителя должника¹. В данном случае факт предоставления документации контролирующим лицом позволил уменьшить потенциальный размер его ответственности. Очевидно, что в рамках дела о банкротстве обеспечение достаточным уровнем информированности является одним из гарантов соблюдения наиболее полного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов. Очевидно, что руководитель организации, его мажоритарный участник, главный бухгалтер являются лицами, которые обладают принципиально важной информацией для дела о банкротстве. Но поскольку в виду устоявшегося подхода, согласно которому они с огромной вероятностью будут привлечены к субсидиарной ответственности, они отказываются информативно сотрудничать с арбитражным управляющим и кредиторами.

Кроме того, с точки зрения исключительности субсидиарной ответственности она не может возлагаться только ввиду факта непредоставления документов, такое положение является эксцессом законодателя. Однако суды указывают, что помимо факта неисполнения обязанности должна быть доказана причинно-следственная связь между *непередачей документов и невозможностью погашения требований кредиторов*², при этом в самих судебных решениях указывается зачастую лишь фраза о том, что арбитражный управляющий не мог взыскивать дебиторскую задолженность. Поэтому исходя

---

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.04.2024 N Ф01-8230/2023 по делу N А43-18888/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.04.2024 N Ф01-8230/2023 по делу N А43-18888/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

из такого стандарта доказывания, факт невозможности погашения требований кредиторов из-за непередачи документации презюмируется. Субсидиарная ответственность в банкротстве - экстраординарный способ восстановления кредиторами имущественных прав, когда контролирующее лицо совершает правонарушение. В нашем законодательстве возложение субсидиарной ответственности за непередачу документов фактически подменяет собой санкцию публично-правового характера, что нельзя признать верный подходом.

Возможный вариант решения такой проблемы заключается в *ограничении самого основания ответственности* (предусмотреть более строгие формулировки в законе), *корректировке практики применения положений Главы III.2* с учетом положения об исключительности ответственности и *установлении административной ответственности* за непередачу документов, в сочетании с полным отказом от возложения субсидиарной ответственности только лишь на этом основании. На сегодняшний день ст. 14.13 КоАП РФ предусматривает ответственность за неправомерные действия при банкротстве, среди которых указаны действия и бездействия в отношении информационных обязанностей контролирующего лица, срок давности по привлечению к ответственности составляет 3 года, штрафная санкция составляет от 4 до 5 тыс. рублей. При системном подходе тех изменений, который были мной предложены, такая санкция не отвечает цели превенции скрытия и непередачи документации, она должна быть увеличена. Кроме того, в случае предоставления законодателем контролирующим лицам процессуальных прав и возможностей, которые были указан в пар. 1.1. настоящей работы, надлежащей санкцией за непредоставление документации был бы отказ в предоставлении таких процессуальных прав.

Корректировка практики по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности возможна также при возложении обязанности бОльшей осмотрительности на кредиторов должника. В ряде судебных решений кредиторы заключали миллионные контракты с организациями, которые осуществляли свою деятельность непродолжительно, отвечали признакам «фирм-однодневок» и при достаточном уровне проведения правового и

экономического анализа контрагента не могли быть признаны надежными. При этом такие кредиторы, просудив требования в ординарном производстве, оказываются в реестре требований кредиторов. Кажется верным возложение обязанности действовать разумно и добросовестно еще и на кредиторов должника – этот принцип в полной мере отвечает признакам предпринимательства, как самостоятельной и рисковой деятельности. Причем в условиях сложившегося представления о том, что субсидиарная ответственность является деликтом (ст. 1064 ГК РФ), можно предусмотреть применение положения ст. 1083 ГК РФ об учете вины потерпевшего при определении размера возмещения. Так, грубая неосторожность самого потерпевшего является установленным и бесспорным основанием для уменьшения размера взыскания.

Расширительный же подход к толкованию норм о субсидиарной ответственности и их повсеместное применение не может быть признано справедливым в виду правовых последствий, которые возникают в случае удовлетворения требований.

Правовым последствием привлечения лица к субсидиарной ответственности является обращение взыскания на имущество контролирующего лица в пользу кредиторов (также возможны другие варианты распоряжения этими требованиями ст. 61.17 Закона о банкротстве), кроме того, указанный долг по общему правилу определяется как сумма всех требований кредиторов, которые не могут быть удовлетворены за счет имущества конкурсной массы, такой долг не подлежит «погашению» посредством процедуры личного банкротства контролирующего лица, а также подлежит включению в наследственную массу. Таким образом, за неразумные и недобросовестные действия контролирующего должника лица наступают несоразмерно тяжелые последствия, с учетом того, что степень недобросовестности и неразумности действий может быть разной, еще и законодатель, защищая кредиторов, устанавливает презумпцию вины и контроля в отношении определенного круга субъектов. Среди процессуальных и материальных гарантий можно выделить следующие: п. 4 ст. 34 Закона о

банкротстве, предоставляющий право на ограниченное участие в деле о банкротстве; доктрина «делового решения»¹, которая не позволяет судебным органам оценивать экономическую целесообразность действий; положение абз. 2 п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве, который предоставляет суду возможность уменьшить размер субсидиарной ответственности, если будет доказано, что ущерб, причиненный кредиторам значительно меньше размера требований.

При этом российском дореволюционном праве доведение до банкротства относилось к сфере уголовного права, что, безусловно, не исключало возможность заявления имущественных требований, однако указывало на характер такого действия как доведение до банкротства – высокий уровень общественной опасности для экономических отношений и гражданского оборота в целом². Такая мера позволяла применять все гарантии подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) такие как, презумпция невиновности, право на защиту и другие.

Кроме того, в зарубежных правопорядках предусмотрены именно уголовно правовые запреты, которые устанавливают закрытый перечень деяний, посредством которых возможно доведение до банкротства, что как раз и придают действию норм об ответственности должную исключительность. Так, в пар. 283 Уголовного закона Германии перечислены конкретные действия, за совершение которых наступает ответственность за доведение до банкротства, при этом конститутивный признак, похожий на наше российское понятие объективного банкротства, указан для всех деяний как обязательный³.

Перевод существующего в Законе о банкротстве института субсидиарной ответственности в уголовно-правовую сферу не является оптимальным решением проблемы чрезмерно широкой сферы действия рассматриваемых

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 41.

² Чебоньян Т. Г. Уголовно-правовая характеристика неправомерных действий при банкротстве: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 67–68.

³ [Уголовный кодекс Германии \(Strapgesetzbuch – StGB\) \(gesetze-im-internet.de\)](http://gesetze-im-internet.de)

норм. Однако в системе норм, предусматривающих ответственность по обязательствам юридического лица (ст. 53.1. ГК РФ, п.3 ст. 3.1. Закона об ООО, и другие), нормы ст. 61.11 и ст. 61.12 Закона о банкротстве должны носить исключительный характер как нормы корпоративного законодательства.

На данный момент существует два механизма законодательства о субсидиарной ответственности. Первый устанавливает общее правило об ответственности контролирующего лица за невозможность удовлетворения требований кредиторов доведения до банкротства (фактически данный состав предусматривает ответственность за доведение до банкротства) *посредством неразумных и недобросовестных действий* (п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Второй конкретизирует деяния и устанавливает в отношении них специальные презумпции (п.2 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Думаю, что стоит оставить именно второй механизм в качестве нормы, предусматривающей основания субсидиарной ответственности, при условии запрета расширительного толкования.

При этом для института взыскания убытков (ст. 61.20 Закона о банкротстве) при банкротстве вполне можно установить другой подход, который характерен для корпоративного законодательства в части привлечения к ответственности членов органов управления общества и его участников в случае причинения убытков обществу или кредиторам в виду совершения *неразумных и недобросовестных действий*. Так, основание ответственности может быть сформулировано общим образом – неразумные и недобросовестные действия. Факт контроля, факт недобросовестности и неразумности действий должны доказываться, как и наличие убытков, которых находятся в прямой причинно-следственной связи. Такое более широкое и гибкое законодательное закрепление возможно потому, что размер ответственности ограничен требованиями конкретного заявителя (или группы заявителей), отсутствие презумпции причинно-следственной связи является оптимальным распределением бремени доказывания, кроме того, такая ответственность не может переходить в порядке наследования и подлежит списанию при частичном удовлетворении в случае

личного банкротства лица. Именно такие общие рамки правоприменения установлены для ст. 61.20 Закона о банкротстве в соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №53.

Таким образом, на сегодняшний день ответственность за невозможность полного погашения требований представляет собой полноценный самостоятельный институт, предусматривающий нормы об ответственности контролирующего должника лица перед кредиторами (внешняя корпоративная ответственность). При этом правовые последствия применения ст. 61.11 Закона о банкротстве отличается от других видов ответственности, устанавливает самостоятельный институт ответственности за доведение до банкротства.

В качестве основания ответственности предусмотрено одно общее правило, а также перечень специальных (частных) проявлений этого основания ответственности, отягощенных презумпцией вины и наличия причинно-следственной связи. Такой подход усложняет достижение цели правового регулирования, которая состоит в установлении исключительного и экстраординарного способа восстановления прав. Стоит вопрос о необходимости сужения сферы применения данного положения закона.

При этом права и интересы кредиторов, а также самого должника будут подлежать защите посредством иска о возмещении убытков по ст. 61.20 Закона о банкротстве – менее инвазивного правового инструмента.

Кроме того, сужение сферы применение норм о субсидиарной ответственности может быть достигнуто посредством учета вины потерпевшего (кредиторов) в причиненном вреде (ст. 1083 ГК РФ). Так, требования кредиторов, который в виду своей грубой неосторожности и неразумности вступают в отношения с контрагентом, который вызывает сомнения в своей стабильности и надежности, должны быть уменьшены, а в ряде случаев исключены при определении размера ответственности контролирующего субъекта. Такое взаимодействие норм права допустимо ввиду сложившейся практики применения норм Главы 59 к субсидиарной ответственности в банкротстве в

виду того, что она представляет собой деликтное обязательство. Однако такой подход носит дискуссионный характер.

2.3. Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника

Закон о банкротстве предусматривает отдельные нормы об ответственности контролирующего должника лица за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве. Так, согласно ст. 37 Закона о банкротстве сам должник имеет право, а в ряде случаев обязанность (ст. 9 Закона о банкротстве) обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве. На протяжении 2022- 2023 годов в рамках введения моратория на возбуждения процедуры банкротства организации ее кредиторами такая возможность была единственным основанием для возбуждения дела о банкротстве должника. При этом за 15 дней до обращения в суд с заявлением о банкротстве должник обязан опубликовать уведомление о соответствующем обращении посредством включения его в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц (абз. 2 п. 4 ст. 37 Закона о банкротстве).

Ключевыми вопросами для привлечения ответственности являются, во-первых, *возникновение (созревание) обязанности* по обращению в суд с заявлением о банкротстве, во-вторых, *сроки осуществления* этой обязанности, в-третьих, *размер обязательств*, которые образуют признак наличия ущерба для привлечения к ответственности.

Так, ст. 9 устанавливает месячный срок для обращения с заявлением должника о возбуждении дела о банкротстве с момента наступления определенных в законе обстоятельств. Именно после истечения указанного срока начинает формироваться размер такой ответственности – то есть обязательства, которые включаются в размер ответственности контролирующего должника лица, должны возникнуть после истечения месяца, установленного для исполнения обязанности, и до возбуждения дела о банкротстве. Если такие обязательства не возникли, то отсутствует презумируемый по общему правилу

признак причинения ущерба кредиторам по данному основанию ответственности.

Статья 9 Закона о банкротстве устанавливает шесть конкретизированных оснований возникновения обязанности обратиться в суд с заявлением о банкротстве должника, однако сам перечень является открытым. Основания можно разделить на две группы: во-первых, это *внутренние обстоятельства* (абз. 3,4 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве), когда внутри организации уже принято решение о ликвидации или же обращении в суд с заявлением о банкротстве и в данном случае руководитель формально не принимает решение, а выполняет функцию волеизъявления как должностное лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица. Во-вторых, это *внешние обстоятельства*, связанные с возникновением обязательств перед кредиторами юридического лица, когда на руководителе должника лежит обязанность не только по волеизъявлению, но и по принятию соответствующего решения (абз. 1, 2, 5-7 п. 1. Ст. 9 Закона о банкротстве). В рамках этих оснований обязанность возникает из признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества, которые являются оценочными критериями. Обязанность также возникает, если при исполнении обязательства в отношении одного или более кредиторов возникает ситуация невозможности погашения требований по обязательным платежам или в отношении других кредиторов. Эти положения являются ориентирующими ввиду того, что закрепляют оценочные категории. Именно поэтому для корректировки практики применения указанных положений закона Верховный Суд РФ сформулировал ряд правовых позиций. Согласно одной из них неоплата конкретного долга еще не является безусловным подтверждением наличия признаков объективного банкротства и, как следствие, обязанности обратиться в суд с соответствующим заявлением¹. Суды придерживаются подхода, согласно которому факт объективного банкротства нужно доказывать по спорам о

---

¹ Пункт 19 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2021)» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

привлечении к ответственности в порядке ст. 61.12 Закона о банкротстве даже в случае наличия признаков неплатежеспособности. Так, суд указывает, что заявитель ссылается на наличие задолженности уже в 2015 году и делает вывод о возникновении объективного банкротства с 11.01.2016 года. Однако сам факт наличия задолженности не свидетельствует об объективном банкротстве¹. Интересно то, что аналогичная логика применяется судами по другому основанию возникновения у руководителя должника обязанности. Так, согласно абз. 6 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, в качестве отдельного основания предусмотрена ситуация невыплаты выходных пособий, оплате труда и другим выплатам работникам организации в течении трех месяцев. При этом суды указывают, что даже в этом случае лицо освобождается от ответственности, если докажет, что финансовые затруднения были временными и он добросовестно рассчитывал на их преодолении, основываясь на конкретном экономически обоснованном плане действий². Таким образом, даже просрочка исполнения обязательств в отношении такой уязвимой группы субъектов, как работники организации, не является бесспорным основанием для признания факта возникновения признаков объективного банкротства.

Согласно п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, основная обязанность возлагается на руководителя должника. Закон устанавливает ряд обстоятельств, которые презюмируют наличие обязанности обратиться в суд. Презумпция может быть опровергнута тем, что обстоятельства, указанные в п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве не свидетельствовали об объективном банкротстве должника³ и что руководитель правомерно рассчитывал на преодоление временного финансового затруднения. Например, в конкретном деле суд отказал в привлечении

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2023 N Ф05-34006/2022 по делу N А40-161342/2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2024 N Ф05-6735/2021 по делу N А40-231147/2018 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ абз. 2 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

руководителя к ответственности за неподачу заявления с указанием на то, что руководителем должника был разработан план, который до определенного момента успешно осуществлялся¹. Таким образом, указанные в статье закона обстоятельства устанавливают лишь ориентир для правоприменителя, который презюмирует возникновение объективного банкротства.

Субъекты, обязанные обратиться в суд с заявлением о возбуждении дела о банкротстве, распределены на две очереди. Так, первичная обязанность возлагается на руководителя должника. При этом, если руководитель не исполняет указанную в законе обязанность, то она возлагается на других субъектов, в частности собственник имущества унитарного предприятия (принимает решение об обращении в суд); лица, имеющие право инициировать созыв внеочередного общего собрания участников (акционеров); иные контролирующие должника лица. Обязанность для двух последний групп субъектов ограничивается *требованием проведения* досрочного заседания органа управления, уполномоченного на принятие решения о ликвидации. Для исполнения этой обязанности предусмотрен сокращенный срок, который составляет десять календарных дней с момента истечения срока на исполнение обязанности по обращению в суд, возложенной на руководителя должника (п. 3.1. ст. 9 Закона о банкротстве). Важно указать на временные пределы действия норм об обязанности иных лиц инициировать проведения общего собрания. Норма п. 3.1. ст. 9 Закона о банкротстве была введена Законом от 29.07.2017 N 266-ФЗ, вступившей в силу 30.07.2017, поскольку Закон не содержал положения о применении его с обратной силой, он применяется к отношениям, возникшим после 30.07.2017 года.

Необходимо уточнить, что указанные лица могут *не обладать бесспорным контролем за всей деятельностью должника*, однако обладают правовой

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2024 N Ф05-9758/2023 по делу N А40-271493/2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

возможностью инициировать принятие решения об обращении в суд с заявлением, что позволяет установить «точечный» контроль как минимум над решением этого вопроса. Именно поэтому в данном случае возникает презумпция наличия статуса контролирующего должника лица. Тот факт, что обязанность возлагается в первую очередь на руководителя должника, предполагает привлечение лиц второго порядка *только в качестве солидарного должника* по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Закона о банкротстве¹.

С точки зрения корпоративного законодательства вопрос о реорганизации и ликвидации общества относится к исключительной компетенции общего собрания участников (ст. 33 Закона об ООО), (ст. 48 Закона об АО). Решение таких вопросов порождает для общества соизмеримые с решением о подаче заявления о банкротстве правовые последствия. Именно поэтому по общему правилу решение вопроса о подаче заявления о банкротстве принимается именно собранием участников общества².

При этом вопрос о субъектах, уполномоченных на инициирование и проведение общего собрания участников, решается не только законом, но и уставом общества, в котором могут быть предусмотрены различные ограничения (п.2.1. ст. 32 Закона об ООО). Так, уставом общества может быть предусмотрено, что созыв внеочередного общего собрания участников руководителем общества при наличии совета директоров (наблюдательного совета) возможен только с согласия коллегиального исполнительного органа. Участники общества, обладающие долей не менее 10% (с учетом положений устава может быть предусмотрено больше), совет директоров, ревизионная комиссия, аудиторская организация вправе обратиться с заявлением о проведении общего собрания,

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.01.2024 N Ф05-11167/2020 по делу N А41-36018/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.12.2023 N Ф05-30749/2023 по делу N А40-341014/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2021 N Ф05-8789/2021 по делу N А40-187451/2017 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

которое должно быть рассмотрено руководителем общества. Таким образом, ввиду отсутствия полномочия по проведению общего собрания у данных субъектов, *их обязанность следует считать исполненной с момента обращения к руководителю общества с требованием о проведении общего собрания участников*. Однако суды используют иную формулировку в отношении содержания обязанности участников. Если Закон говорит о «обязанности требовать созыва общего собрания», то суды трактуют это как «обязанность обратиться в арбитражный суд с заявлением»¹. В данном деле суд возложил субсидиарную ответственность на участника общества из-за неисполнения обязанности обратиться в суд с заявлением о банкротстве, однако такая обязанность не возлагается п.3.1. ст. 9 Закона о банкротстве. Суды в данном случае смешивают две ситуации. Обязанность участника обратиться именно с заявлением в суд предусмотрена только в рамках процедуры банкротства ликвидируемого должника (п. 3 ст. 224 Закона о банкротстве), но не п.3.1. ст. 9 Закона о банкротстве, который содержит только обязанность требовать созыва общего собрания согласно корпоративному закону и уставу организации.

В акционерных обществах вопрос о созыве внеочередного общего собрания для принятия вопроса о подаче заявления о банкротстве принимается по общему правилу советом директоров общества, однако эти полномочия могут быть возложены на руководителя общества положениями устава (п. 1 ст. 47, п. 1 ст. 48, п. 1 ст. 55 Закона об АО). При этом правом требовать созыва такого собрания в акционерном обществе обладают следующие субъекты: ревизионная комиссия, аудиторская организация общества, акционеры, которые владеют 10% голосующих акций и более. Таким образом, по общему правилу, именно совет директоров (коллегиальный орган) исполняет обязанность по созыву общего собрания, которое должно решить вопрос о подаче заявления о банкротстве должника. Согласно п. 2 ст. 69 Закона об АО, руководитель акционерного

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.04.2022 N Ф05-16306/2021 по делу N А40-199307/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

общества обладает остаточной компетенцией, то есть осуществляет полномочия в части, не отнесенной к компетенции общего собрания или совета директоров. При этом часть полномочий руководителя может осуществляться только с согласия этих органов управления, если такое правило предусмотрено уставом организации. Кроме того, ст. 48 Закона об АО устанавливает перечень решений, которые могут быть приняты только общим собранием акционеров, среди них решение о реорганизации, ликвидации, назначении ликвидационной комиссии. Это решения, которые имеют ключевое значение для существования общества как субъекта предпринимательской деятельности. Думается, что решение вопроса о подаче заявления о банкротстве акционерного общества может повлечь не менее принципиальные последствия для существования общества. Представляется, что законодательство о банкротстве и корпоративное законодательство не являются в достаточной степени согласованными, так как Законом о банкротстве на руководителя должника возлагается обязанность по обращению с заявлением о банкротстве при наличии признаков объективного банкротства, для исполнения обязанности установлены сжатые сроки, хотя если учитывать значимость решения о возбуждении дела о банкротстве, оно должно приниматься с учетом мнения участников общества. Возможно, по результатам рассмотрения вопроса о возбуждении дела о банкротстве будут разработаны антикризисные меры или же будет принято решение о выпуске новых акций для привлечения инвестиций и спасения бизнеса.

При этом несогласованность норм корпоративного права и положения ст. 61.12 Закона о банкротстве заключается в следующем. Так, само корпоративное законодательство не предусматривает, какой орган юридического лица принимает решение о подаче заявления о банкротстве. Исходя из разных способов толкования им может быть как общее собрание, так и единоличный исполнительный орган юридического лица. Общее собрание обладает исключительным полномочием по принятию решения о ликвидации организации, с учетом российской специфики большая часть процедур банкротства заканчиваются конкурсным производством и ликвидацией

организации. На наш взгляд именно общее собрание является наиболее релевантным органом для решения вопроса о подаче заявления о банкротстве. При этом эта обязанность может быть возложена на единоличный исполнительный орган (руководителя должника) как представителя общества во внешних отношениях. Закон о банкротстве уделяет особое внимание именно ответственности руководителя должника, причем не за неисполнение обязанности по созыву общего собрания, а по подаче заявления о банкротстве. Кажется, что в Законе о банкротстве должна быть предусмотрена оговорка, отсылающая к уставу общества, который как раз призван восполнить пробел в правовом регулировании относительно определения органа общества, обязанного обратиться в суд с заявлением о банкротстве. Однако формулировка ст. 61.12 Закона о банкротстве основывается на том, что обязанным лицом является именно руководитель, и лишь во вторую очередь другие лица, которые влияют на исполнение этой обязанности (в том числе участники общества).

На наш взгляд, более правильным подходом к обозначению обязанности руководителя должника с точки зрения Закона о банкротстве применительно к подаче заявления является возложение обязанности по проведению собрания участников (первая обязанность), обращение в суд с заявлением о банкротстве (вторая обязанность), приостановление заключения новых договоров на период созыва, проведения и подведения итогов общего собрания участников по вопросу обращения в суд с заявлением о банкротстве (третья обязанность). При этом привлечение к ответственности в случае неисполнения первой и третьей обязанности возникает как раз до проведения общего собрания участников, а возложение ответственности за неисполнение второй обязанности может иметь место только в случае, если общее собрание приняло решение обратиться в суд с заявлением о банкротстве. При этом участники общества должны нести ответственность в случае недобросовестного уклонения от решения вопроса о подаче заявления о банкротстве, в таком случае ответственность руководителя должника исключается, если им исполнена первая и третья обязанность.

Следующим аспектом ответственности по ст. 61.12 Закона о банкротстве является состояние объективного банкротства. Сложность определения момента возникновения обязанности сопряжена с оценочным критерием «наступление объективного банкротства». Это понятие тесным образом связано с экономикой и бухгалтерским учетом, однако является в первую очередь правовым. В связи с чем суд указывает, что вопрос о наличии признаков неплатежеспособности, недостаточности имущества и о дате возникновения объективного банкротства являются вопросами права и постановка их перед экспертом не является правомерной¹. Установить точную дату наступления объективного банкротства практически невозможно, максимальная точность возможна в рамках месяца. В судебных решениях именно месяц является оптимальным приближением: датой объективного банкротства является февраль 2019 года²; март 2019 года³. Однако сжатые сроки для исполнения обязанности по обращению с заявлением о признании должника банкротом требуют от правоприменителя установления даты объективного банкротства с точностью до дня. Эта дата чаще всего формируется исходя из финансового состояния должника, а также из доводов, которые приводят заявитель и ответчик в подтверждение конкретной даты. Зачастую суды оказываются в затруднительном положении ввиду отсутствия весомых доказательств, указывающих на момент возникновения объективного банкротства, можно увидеть следующие формулировки: «*в отсутствие в деле иных доказательств... должник стал неплатежеспособным не позднее 02.02.2011 г.»*⁴

Кроме того, определение даты возникновения объективного банкротства имеет принципиальное значение для оценки объема обязательств, возникших

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2023 N 308-ЭС21-14005(2) по делу N A53-5234/2017 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.02.2024 N Ф09-7978/22 по делу N A60-31781/2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2022 N 17АП-2525/2022(1,2)-АК по делу N A50-3892/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.06.2022 N Ф05-10194/2014 по делу N A41-53179/2013 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

после его наступления. Даже в случае неисполнения обязанности по обращению с заявлением о банкротстве требования о привлечении контролирующего должника лица не могут быть удовлетворены в случае отсутствия новых обязательств, которые возникли после даты объективного банкротства¹. При этом важно учитывать, что не все нормы ГК РФ продолжают действовать в том объеме применительно к отношениям в процессе банкротства. Так, согласно ст. 409 ГК РФ обязательство прекращается с момента предоставления отступного. Важно уточнить, что заключение соглашения об отступном после возникновения признаков банкротства не является новым обязательством для целей применения института субсидиарной ответственности, а значит, не может быть включено в размер такой ответственности². Соглашение о новации также прекращает полностью предшествующее обязательство и порождает новое, самостоятельное обязательство³. Однако для целей законодательства о банкротстве моментом возникновения нового обязательства (с новым предметом) в результате соглашения о новации является момент возникновения первоначального обязательства⁴. На сегодняшний день такая правовая позиция сформулирована в отношении денежных обязательств по текущим платежам, однако, считаю, что она актуальна и для других обязательств применительно к вопросу об определении размера ответственности по ст. 61.12 Закона о банкротстве. Кроме того, в размер ответственности не включаются требования по возникшим после даты объективного банкротства обязательствам, в случае если кредитор знал или должен был знать о состоянии объективного банкротства⁵.

---

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.08.2022 N 305-ЭС21-29240 по делу N A40-214997/2018 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 N 2826/14 по делу N A57-2430/2011 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская Газета. 2020. № 136.

⁴ Абз. 2 п. 13. Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 63 (ред. от 06.06.2014) «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.02.2024 N Ф05-15132/2016 по делу N A40-133020/2016 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

Согласно п.11 ст. 61.11 Закона о банкротстве размер такой ответственности образуют только требования, включенные в реестр, однако подобной формулировки не содержится применительно к ст. 61.12 Закона о банкротстве. Важно указать, что субсидиарная ответственность за неподачу заявления о банкротстве в меньшей степени связана с самим делом о банкротстве, а значит, и с реестром требований. Так, в силу п.4 ст. 61.12 Закона о банкротстве кредиторы могут инициировать спор о привлечении к субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Закона о банкротстве после прекращения дела о банкротстве, а также после завершения конкурсного производства. Указанное невозможно для т.с.61.11 Закона о банкротстве, так как размер ответственности зависит от требований, включенных в реестр.

Действуют ли правила о субординации требований кредиторов при определении размера обязательства по ст. 61.12 Закона о банкротстве? В соответствии с разъяснениями высших судебных инстанций, механизм субординации представляет собой правовое средство, которое способствует более справедливому распределению имущества между кредиторами, а значит должно действовать в рамках всех институтов банкротства¹. Такие обязательства проистекают из компенсационного финансирования, которые включаются в очередь, предшествующую требованиям по ликвидационной квоте. Обоснование такого решения заключается в том, что по своей природе такое финансирование напоминает, скорее, увеличение имущества общества, то есть квазикорпоративное участие в организации путем предоставления займа, а значит отнесение к очереди, предшествующей «корпоративным» кредиторам, является наиболее точным юридическим решением для фактических отношений такого рода². Другой вариант субординации требований заключается в «реконструкции обязательства», по которому понижению в очереди

---

¹ Родина Н.В. Изменение характера требований кредиторов как способ субординации // Вестник арбитражной практики. 2021. N 3. С. 80.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2017 N 308-ЭС17-1556(2) по делу N A32-19056/2014 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

удовлетворения подлежат «штрафные» денежные обязательства, так как первостепенное и более справедливое погашение требований предполагает погашение в первую очередь основного долга¹. Таким образом, очевидно, что субординация требований должна быть применима ко всем процедурам банкротства при наличии к ней оснований, а значит должна учитываться при определении размера субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Закона о банкротстве. В конкретном деле суд применил механизм субординации требований кредиторов по делу о привлечении лица к ответственности по ст. 61.12 Закона о банкротстве. Так, суд признал, что кредитный договор, заключенный аффилированным к должнику банком на необычных для гражданского оборота условиях, не может быть включен в размер субсидиарной ответственности, потому что фактически подменяет компенсационное финансирование². Однако чаще всего суды просто ссылаются на ст. 9 Закона о банкротстве, которая предусматривает отказ в удовлетворении заявления в отношении требований, при возникновении которых кредитор знал или должен был знать о возникновении обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве³. В данном случае предусмотренное ограничение не является полноценной компенсацией механизму субординации требований (в частности, не охватывает механизм «реконструкции обязательства»). Проблема субординации заключается в том, что она производится в деле о банкротстве и только потом влияет на институт субсидиарной ответственности. Именно поэтому для ст. 61.11 Закона о банкротстве она установлена в самом Законе как общее правило. При этом ответственность за неподачу заявления не обладает

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // БВС РФ. 2017. N 1. С. 14 - 23; Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 09.06.2018 по делу N A59-6474/2017, Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2018 по делу N A59-6474/2017; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.06.2020 N Ф06-61372/2020 по делу N A65-26520/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС "КонсультантПлюс".

² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2023 N 11АП-14765/2023, 11АП-15338/2023 по делу N A65-26537/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.02.2022 N Ф03-6685/2021 по делу N A73-4982/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

такой тесной связью с реестром требований, и механизм субординации в чистом виде, как понижение очереди удовлетворения требований кредиторов, к ней неприменим, однако *применению подлежит правило об отказе в удовлетворении требований* в случаях, тождественных субординации требований.

Таким образом, ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника банкротом является внешней корпоративной ответственностью, которая основана на неисполнении возложенной законом обязанности. Сущностно неподача заявления о банкротстве при наличии признаков объективного банкротства в сочетании с осуществлением обычной хозяйственной деятельности является одним из вариантов введения в заблуждение и злоупотребления правом.

При этом в системе норм законодательства ст. 61.11 и ст. 61.12 Закона о банкротстве хоть и дополняют друг друга, но представляют собой очень разные правовые конструкции. В виду рассмотренных особенностей можно сказать, что ст. 61.12 Закона о банкротстве тяготеет к внешней ответственности по корпоративному праву. В то время как ст. 61.11 Закона о банкротстве является сущностно иной категорией – это ответственность за невозможность полного погашения требований.

При этом несмотря на тесную связь ст. 61.12 Закона о банкротстве с корпоративным правом, она не является в должной степени согласованной с правилами о принятии внутрикорпоративного решения об обращении в суд с заявлением о банкротстве.

Представляется, что для достижения достаточного уровня правовой определенности для закрепления состава ответственности необходимо предусмотреть в Законе следующие обязанности руководителя должника (в ст. 61.12 Закона о банкротстве):

- обязанность по созыву и проведению собрания участников;
- обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве;

- обязанность по приостановлению заключения новых договоров на период созыва, проведения и подведения итогов общего собрания участников по вопросу обращения в суд с заявлением о банкротстве.

При этом закрепить в Законе обязанность для других контролирующих лиц в следующей формулировке:

- обязанность по обращению с требованием о созыве собрания участников по вопросу обращения с заявлением о возбуждении дела о банкротстве.

Указанная обязанность должна считаться исполненной с момента обращения с требованием к руководителю, что исключает привлечение к ответственности.

Кроме того, само корпоративное законодательство должно установить в качестве исключительной компетенции общего собрания участников принятие решения об обращении в суд с заявлением о банкротстве. Участники, проголосовавшие против принятия такого решения при наличии признаков объективного банкротства, несут ответственность по ст. 61.12 Закона о банкротстве.

Для целей справедливого определения размера ответственности предлагается применить правовые последствия, предусмотренные для субординации требований кредиторов, к субсидиарной ответственности по ст.61.12 Закона о банкротстве. В случае выявления признаков компенсационного финансирования или при применении механизма реконструкции обязательства, размер ответственности должен быть уменьшен на величину этих требований.

3. Соотношение субсидиарной ответственности в процессе несостоятельности (банкротства) и по корпоративному праву.

3.1. Правовые основания и юридическая природа корпоративной ответственности и субсидиарной ответственности в банкротстве

Правовая цель закрепления компенсаторных механизмов в рамках корпоративной ответственности и субсидиарной ответственности в банкротстве

заключается в предоставлении кредиторам юридического лица дополнительной гарантии удовлетворения, которые утрачиваются в виду злоупотреблений (правонарушений), которые совершают контролирующие корпорацию субъекты¹. Однако помимо частноправовой цели (защита прав и свобод других лиц в смысле ст. 55 Конституции РФ), указанные механизмы также направлены на охрану публичных интересов, которые выражаются в стабильности гражданского оборота, поддержании доверия к юридическому лицу как субъекту права.

Характеризуя природу ответственности, предусмотренную п.3.1. ст. 3 ФЗ «Об ООО», которая основывается на базовой норме ст. 53.1 ГК РФ, Конституционный Суд РФ указывает, что рассматривать данный пункт нужно в системной взаимосвязи со ст. 1064 ГК РФ, которая устанавливает ответственность за деликт. Аналогичный подход применяется к ст. 61.20 Закона о банкротстве. При этом практика последовательно проводит идею о деликтной природе этой ответственности². Большинство авторов также соглашаются с теоретической обоснованностью такого подхода³.

Относительно природы обязательства контролирующих должника лиц в банкротстве были высказаны разные точки зрения, большинство авторов разделяют позицию о том, что субсидиарная ответственность является деликтной ответственностью контролирующих субъектов⁴. Аналогичный подход содержится в судебной практике⁵.

---

¹ П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

² Определение СКЭ ВС от 07.12. 2015 года № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.10.2020 N Ф05-9061/2018 по делу N А41-7404/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2021 N Ф05-15816/2017 по делу N А40-60987/2015 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. N 4. С. 178.

⁴ Покровский С.С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. N 7. С. 40 - 49.

⁵ Определение от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013; Постановление от 06.11.2012 № 9127/12 по делу № А40- 82872/10-73-400 «Б»; Определение от 21 октября 2019 г. N 305-ЭС19-9992 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

Указанное означает, что по своей природе убытки, возмещаемые за счет контролирующего субъекта в рамках рассматриваемых требований, возникают в виду причинения вреда последними, а значит, основополагающей нормой, наряду со ст. 53.1 ГК РФ, является ст. 1064 ГК РФ. Деликт предполагает соблюдение определенных условий. Охранительные отношения необходимы, когда между субъектами нет регулятивного отношения. С теоретической точки зрения существует два принципиальных подхода к закреплению обязательств из причинения вреда в гражданском законодательстве. Так, согласно немецкой модели защищаемых благ, при которой деликтное обязательство возникает только в случае нарушения абсолютного блага (права) лица, которое предусмотрено законом. При этом французская модель (модель генерального деликта) предполагает, что компенсации подлежит вред, причиненный любым правам и законным интересам. Статья 1064 ГК РФ допускает толкование в лоне как немецкой, так и французской модели. Однако, по мнению большинства исследователей, в российском Гражданском кодексе реализуется принцип генерального деликта¹. При этом природу корпоративной ответственности правопорядки определяют по-разному (см. пар. 1.1. Настоящей работы). Однако концептуальным положением в данном случае является *принцип закрытого перечня оснований ответственности* ввиду того, что принцип ограниченной ответственности и агентского иммунитета являются фундаментальным общим правилом построения законодательства по рассматриваемому вопросу.

При этом для всех обязательств из причинения вреда основание ответственности возникает ввиду совершения противоправный действий. От нормы права требуется установление перечня этих противоправный действий с достаточной степенью правовой определенности. Для института внешней и внутренней корпоративной ответственности характерно минимальное количество установленных законом презумпций, возможность списания

---

¹ Ягельницкий А.А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. 2019. N 3. С. 46.

задолженности в рамках личного банкротства гражданина контролирующего лица, а также прекращение обязательства со смертью привлеченного к ответственности субъекта. Именно исходя из указанных правовых последствий для корпоративной ответственности допускается *закрепление противоправных деяний* через категорию «недобросовестных и неразумных действий». Кроме того, для споров о привлечении к такой ответственности установлена только общегражданская презумпция вины субъекта (ст. 401, п.2 ст. 1064 ГК РФ).

Однако, рассматривая институт субсидиарной ответственности в банкротстве, такое широкое закрепление основания ответственности недопустимо ввиду тяжести тех последствий, которые возникают в случае удовлетворения требований. Безусловно, субсидиарная ответственность в банкротстве является продолжением норм корпоративного законодательства (ответственность за недобросовестные действия), однако для такого института требуется больший уровень правовой определенности, нежели ст. 10 ГК РФ. Именно поэтому, определяя субсидиарную ответственность как специальный вид ответственности, основывающийся на норме ст. 53.1 ГК РФ, законодатель должен установить закрытый перечень конкретных деяний или их признаков для обеспечения исключительности такого способа защиты права как требование о привлечении к субсидиарной ответственности для состава, предусмотренного ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Основание ответственности ст. 61.12 Закона о банкротстве сформулировано как бездействие при наличии обязанности действовать конкретно и определенно, за исключением тех тонкостей, которые были рассмотрены выше. Заметим, что положения Закона о банкротстве не согласуются в должной степени с нормами корпоративного законодательства относительно внутрикорпоративной процедуры принятия решения об обращении с заявлением о банкротстве.

Кроме того, важным является анализ термина «субсидиарная ответственность», который содержится в Законе о банкротстве, и является устоявшимся в судебной практике как самостоятельный институт. Такой терминологией не оперирует корпоративное (гражданское) законодательство.

При этом «субсидиарная ответственность...» упоминается в ст. 399 ГК РФ, которая устанавливает порядок предъявления требования к лицу, который является содолжником. Субсидиарная множественность лиц представляет собой особую разновидность солидарной множественности, при которой должники не равны, а субсидиарный должник становится обязанным только в случае исчерпания средств, направленных на получение предоставления от основного должника. Причем, как указывает Н.В. Тололаева, субсидиарное обязательство по своей сути не образует отдельного вида множественности лиц в обязательстве, а является лишь разновидностью солидарной множественности¹. Указанная статья ГК РФ устанавливает правило об обязательстве с пассивной множественностью лиц, а не правило об ответственности за нарушение обязательства по смыслу Главы 25 ГК РФ. Несмотря на то, что статьи ГК РФ и Закона о банкротстве сформулированы идентично, «субсидиарная ответственность» в банкротстве отличается от того, что понимается под «субсидиарной ответственностью» по смыслу ст. 399 ГК РФ. Стоит признать, что «субсидиарная ответственность» в банкротстве представляет собой отдельное правовое понятие.

В связи с чем суды, используя системное толкование закона, фактически выработали подход, согласно которому субсидиарная ответственность представляет собой обязательство из причинения вреда (гражданскую ответственность)². Причем, сравнивая с моделью субсидиарного обязательства, которая закреплена в ст. 399 ГК РФ, основанием субсидиарной ответственности является самостоятельное обязательство «субсидиарного должника», основанием которого является причинение вреда. Таким образом, субсидиарная ответственность — это самостоятельное основание возникновения обязательства без множественности лиц, а наличие корпоративной структуры для применения

---

¹ Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 123 - 151.

² Определение от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013; Постановление от 06.11.2012 № 9127/12 по делу № А40- 82872/10-73-400 «Б»; Определение от 21 октября 2019 г. N 305-ЭС19-9992 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

состава является лишь предпосылкой. К тому же практике известны случаи привлечения к субсидиарной ответственности субъекта, который осуществлял контроль над физическим лицом¹. Такая практика не устоялась и даже в приведенном судебном решении требование было изменено на возмещение убытков.

Таким образом, основание ответственности в широком смысле представляет собой правою и социально-экономическую причину, по которой бремя возмещения вреда возлагается на определенного субъекта. Оно заключается в совершении контролирующими субъектами деликта (гражданского правонарушения), в результате которого возникает вред имущественным правам и интересам третьих лиц (самому юридического лицу, его кредиторам). Такой подход является тождественным для корпоративной ответственности и для субсидиарной ответственности в банкротстве. Однако основание ответственности в узком смысле представляет собой конкретную норму права, которая устанавливает элементы состава гражданского правонарушения и, в первую очередь, предусматривает, какое деяние влечет возложение ответственности. Для корпоративной ответственности считаем допустимым закрепление деяния в общем формулировке «недобросовестные и неразумные действия, которыми был причинен вред...», при этом для субсидиарной ответственности такая общая формулировка является излишне широкой. При этом правовая природа и корпоративной ответственности, и субсидиарной ответственности в банкротстве является деликтной.

3.2. Субъекты ответственности и порядок определения ее размера

Нельзя не заметить, что применительно к целям настоящего исследования, круг ответственных субъектов, указанных в ст. 61.10 Закон о банкротстве, соотносится с лицами, которые несут ответственность в пользу юридического

---

¹ Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 06.06.2019 № Ф09-320/18 по делу № А60-24214/2016 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

лица в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ. Несмотря на то, что нормативных формулировок в ст. 61.10 Закона о банкротстве больше, емкое положение п. 3 ст. 53.1 ГК РФ (лицо, имеющее возможность определять действия юридического лица в виду фактических отношений) юридически охватывает всех специальных субъектов, указанных в ст. 61.10 Закона о банкротстве. Эта формулировка безупречна для целей общей нормы об ответственных субъектах. Так, согласно, например, пп. 1 п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве, родственники лиц, входящих в органы управления должника, являются контролирующими должника лицами. Однако Верховный Суд РФ указал на то, что один лишь факт родства (свойства) не является основанием для признания факта наличия контроля, важно, чтобы этот родственник осуществлял сделки, вел бухгалтерский учет или иным образом влиял на хозяйственную деятельность должника¹, что свидетельствует о том, что суду необходимо установить осуществление фактического контроля, как и по п.3 ст. 53.1 ГК РФ.

Единственный субъект, который не может быть *контролирующим* субъектом по п.3 ст. 53.1 ГК РФ даже в случае расширительного толкования, это бенефициар (лицо, извлекающее выгоду) недобросовестных действий члена органа управления должника (пп.3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве), так как для статуса бенефициара не требуется доказывание факта контроля. Контроль предполагает наличие фактической или юридической возможности определять действия юридического лица, при этом один только факт получения выгоды не может свидетельствовать о наличии контроля. Так, суд признал, что физическое лицо, которое регулярно присваивало денежные средства, находящиеся в кассе должника, является надлежащим субъектом ответственности по пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве². Никаких доказательств осуществления контроля для

---

¹ Абз. 4 п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.03.2024 N Ф05-1909/2023 по делу N А40-139323/2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

такой категории не требуется, при этом суд указывает, что такой субъект является «контролирующим лицом». В другом деле бенефициар помимо необоснованного получения средств от должника, давал обязательные устные указания относительно перечисления в его пользу, а также в пользу аффилированных ему лиц денежных средств¹. Но в таком случае лицо является не просто бенефициаром, а контролирующим должника лицом по смыслу п.1 ст. 61.10 Закона о банкротстве. В двух рассмотренных судебных решениях можно увидеть различное правоприменение рассматриваемого положения закона. Так, в первом случае суд следует буквальному толкованию нормы о субъекте ответственности и возлагает обязанность возместить ущерб в силу факта получения имущественной выгоды. Во-втором случае правоприменитель следует правовой логике определения ответственного лица по требованию о привлечении у субсидиарной ответственности и устанавливает факт осуществления контроля. Именно корпоративный контроль является смыслообразующей категорией для определения ответственного субъекта. В виду чего считаем, что пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве не вписывается в той формулировке, в которой он существует на сегодняшний день. Например, такими бенефициарами при буквальном толковании нормы могут быть признаны дети руководителя организации, которые принимают от него подарки в виде денежных средств, полученных в результате недобросовестных действий. В таком случае привлечение детей по пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве является неверной интерпретацией нормы в виду того, что они не обладают контролем (1), не причиняют ущерба обществу своими действиями (2), у них отсутствует вина (3), нет причинно-следственной связи между получением подарков и объективным банкротством организации (4). При этом для целей применения ст. 61.11 Закона о банкротстве эти компоненты презюмируются. Верховный Суд РФ указал, что презумпция контроля в соответствии с этим положением закона не применяется

---

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.08.2023 N Ф03-3754/2023 по делу N А73-9471/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

к несовершеннолетним детям контролирующих лиц¹. На наш взгляд, контроль не может презумироваться в отношении любого лица ввиду того, что норма закона не предполагает знание субъекта о том, что оно извлекает выгоду именно из недобросовестных действий, что исключает вину, а также причинно-следственную связь между извлечением выгоды и причинением убытков кредиторам. При этом фиктивное узаконение незаконно присвоенного имущества за счет детей контролирующего должника лица является очевидным правонарушением, которое причиняет вред кредиторам. Суды устанавливают указанные обстоятельства, ссылаясь также на положения ст. 170 ГК РФ (правило о мнимых сделках). Конечно, требования о привлечении к субсидиарной ответственности подлежат удовлетворению только если сделка не была признана недействительной. Однако в такой ситуации ребенок становится лишь инструментом по выведению активов должника, а ответственность несет его родитель². Именно поэтому правоприменитель, толкуя норму исходя из ее целей, требует подтверждение осуществления контроля такими лицом, игнорируя установленную законом презумпцию, что является более верной интерпретацией нормы.

Таким образом, категория пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве не вписывается в общую норму ст. 53.1 ГК РФ, а также не соответствует целям определения субъекта ответственности как контролирующего лица, которые обуславливает реальную возможность злоупотребления конструкцией юридического лица³. Предлагается внести изменение в пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, которое установит в качестве обязательного обстоятельства

---

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 N 305-ЭС19-13326 по делу N A40-131425/2016 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2023 N 19АП-3151/2023 по делу N A48-6786/2020 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

возникновения презумпции контроля знание субъекта о недобросовестности действий, из которых последний извлекает выгоду.

Переходя к определению размера требований по корпоративной и банкротной субсидиарной ответственности, укажу, что отдельные тонкости его определения были рассмотрены в предыдущих главах. Здесь будут изложены основные замечания в сравнительном аспекте. Главной особенностью определения размера субсидиарной ответственности (ст. 61.11 Закона о банкротстве) в банкротстве является то, что он презюмируется, причем является равным всем требованиям, включенным в реестр требований кредиторов, за вычетом того объема, который может быть погашен посредством имущества, составляющего конкурсную массу должника. Именно поэтому рассмотрение вопроса о размере субсидиарной ответственности на практике откладывается до окончания формирования реестра требований и до расчета с кредиторами за счет конкурсной массы¹. Это единственный случай в российском праве с таким механизмом определения размера причиненного вреда. Именно поэтому привлечение к ответственности по ст. 61.11 Закона о банкротстве не может существовать без дела о банкротстве. Этот вид правонарушения предусматривает ответственность за невозможность полного удовлетворения требований кредиторов и не может существовать вне законодательства о банкротстве. Его связь с корпоративным правом минимальна.

Для требований по ст. 61.12 Закона о банкротстве применяется принципиально иной механизм с учетом временного интервала. В размер ответственности включаются обязательства тех контрагентов должника, которые возникли уже после возникновения признаков объективного банкротства. Корпоративная ответственность ограничивается размером заявленных и впоследствии доказанных требований заинтересованного лица, которые

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2024 N Ф05-14560/2017 по делу N А40-242071/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.05.2021 N Ф08-4327/2021 по делу N А32-901/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.09.2023 N Ф07-11495/2023 по делу N А56-88403/2021 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

образуют убытки заявителя. Иной подход невозможен ввиду отсутствия реестра требований кредиторов.

При этом вернемся к одному из рассмотренных судебных решений (по ст. 53.1 ГК РФ). Так, судом был установлен размер денежных средств, которые поступили генеральному директору общества в рамках неправомерного назначения ему премии (примерно 300 тыс. руб.), при этом дело было направлено на новое рассмотрение ввиду того, что факт причинения убытков этим изъятием не был доказан¹. Под убытками по смыслу ст. 15 ГК РФ понимается как реальный ущерб, так и упущенная выгода, а ввиду отсутствия презумпции, причинение убытков необходимо доказывать истцу. При этом вред в Законе о банкротстве по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности определяется как невозможность удовлетворения требований кредиторов. Субсидиарная ответственность в банкротстве презуммирует возникновение убытков в размере суммы требований, которые были включены в реестр (ст. 61.11 Закона о банкротстве). Такая презумпция, безусловно, упрощает процесс доказывания, поэтому подобный спор при рассмотрении дела о банкротстве не был бы направлен на новое рассмотрение. Считаю, что после установления факта доведения до банкротства (ст. 61.11 Закона о банкротстве) или же неисполнения обязанности по обращению в суд о признании банкротом (ст. 61.12 Закона о банкротстве) указанная презумпция является правомерным и конституционным распределением бремени доказывания². В качестве основной причины такого подхода законодателя можно считать тот факт, что доведение до банкротства или же осуществление деятельности после возникновения банкротства является высшей степенью недобросовестности и неразумности действий контролирующих субъектов, именно исходя из этого в Законе о банкротстве

---

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.08.2023 N Ф09-4972/23 по делу N А60-30243/2022 // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // С3 РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.

определенены более строгие и тяжелые последствия таких действий, в том числе процессуальные, связанные с установлением презумпций. Косвенное подтверждение такой причины содержится в разъяснении Верховного Суда РФ, в котором он указывает, что применение общегражданских оснований ответственности и норм о субсидиарной ответственности разграничивается критерием существенности воздействия контролирующего лица на финансовое состояние должника¹. Применение норм Закона о банкротстве возможно только, если действия контролирующего лица стали *необходимой причиной банкротства организации*. Стоит признать, что критерий является оценочным и спорным, а опора на причинно-следственную связь как на водораздел между двумя институтами не отвечает принципу правовой определенности. При этом последствия применения тех или иных норм очень сильно отличаются по степени обременительности для ответственных лиц. Несмотря на то, что суд не связан правовой квалификацией, которая заявлена истцом, право «первого удара» остается именно за ним. Суд, действительно, может переквалифицировать требования о привлечении к субсидиарной ответственности (ст. 61.11 и ст. 61.12 Закона о банкротстве) в иск о взыскании убытков (ст. 61.20 Закона о банкротстве), который как раз основывается на ст. 53.1 ГК РФ и других нормах о корпоративной ответственности, однако при заявлении требований о привлечении к субсидиарной ответственности применяются также презумпции, которые, очевидно, затрудняют процесс доказывания отсутствия вины, причинно-следственной связи и других обстоятельств, образующих предмет доказывания по делу. При этом правовая определенность по конкретному делу наступает в момент вступления в силу судебного решения после исчерпания способов его обжалования. Именно поэтому важно предоставить соразмерные возможности в рамках материального и процессуального права для содействия

---

¹ Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

правопримениителю в вопросе достижения правовой определенности (*res judicata*).

Однако только в случае предоставления тех процессуальных прав в деле о банкротстве, которые были предложены в настоящей работе в рамках Главы 2, пар. 1.2. Ведь только при наличии правовой возможности участия в процессе включения требований в реестр и определения их размера самим контролирующим должника лицом можно вменять весь реестр требований, не покрытый конкурсной массой, в размер ответственности контролирующего субъекта.

Предлагается также распространить указанную презумпцию размера ответственности наряду с презумпцией причинно-следственной связи между доказанными недобросовестными и неразумными действиями контролирующих субъектов и причиненными убытками, по искам о корпоративной ответственности, которые основываются на п. 3.1. ст. 3 ФЗ об ООО ввиду того, что в данном случае кредиторы из-за административной ликвидации утрачивают ряд гарантий, а ввиду разъяснения Верховного Суда РФ, ответственность возлагается фактически за доведение до банкротства.

3.3. Проблемы разграничения законодательства о банкротстве и корпоративного законодательства в части ответственности контролирующих субъектов по обязательствам юридического лица.

Рассмотренные в настоящей работе положения законодательства, которые предусматривают ответственность контролирующих субъектов, очевидно обладают схожей юридической природой, а правовые основания для них происходят из общего запрета на причинение вреда недобросовестными и неразумными действиями третьим лицам (самой организации, ее кредиторам, работникам и другим).

Проблема законодательства и практики в части корпоративной ответственности и субсидиарной ответственности в банкротстве заключается в том, что на сегодняшний день разграничение данных составов ответственности

основывается, во-первых, *на факте возбуждения дела о банкротстве* (что актуально только для отделения норм ст. 61.11 Закона о банкротстве от других положений закона)¹, а, во-вторых, на разъяснении Верховного Суда РФ относительно причинно-следственной связи (так, положения ст. 61.11 Закона о банкротстве применяются только, если воздействие контролирующего должника было *существенным* и стало *необходимой причиной банкротства*)².

При этом требование о привлечении лица к субсидиарной ответственности по основанию ст. 61.12 Закона о банкротстве может быть заявлено и после прекращения процедуры банкротства должника в случае недостаточности имущества или после завершения конкурсного производства.³ Указанное может наводить на мысль, что только для применения ст. 61.11 Закона о банкротстве в виду предусмотренного в ней механизма определения размера требований необходимо наличие дела о банкротстве.

Смыслообразующим обстоятельством для ст. 61.11 и ст. 61.12 Закона о банкротстве является момент возникновения объективного банкротства. Для корпоративной ответственности такого требования нет за исключением одного определения Верховного Суда РФ о вопросе применения п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО, который был рассмотрен в пар. 1.3. настоящей работы⁴. Таким образом, возникает все большее смешения в применении ст. 61.11 Закона о банкротстве и корпоративного основания п.3.1 ст. 3 ФЗ об ООО. При этом объективная сторона обоих гражданских правонарушений сводится к общей формулировке: «недобросовестное и неразумное действие» контролирующего должника лица. Таким образом, главным аспектом разграничения становится причинно-

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2020 N 66-КГ20-10-К8 // СПС «Консультант Плюс».

² Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

³ Пункт 31 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. №297. 29.12.2017.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2021 N 310-ЭС20-23101 по делу N A09-3109/2019 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

следственная связь. Однако нельзя согласиться с тем, что такой способ разграничения позволяет достичь достаточной степени правовой определенности. Для правоприменителя такой критерий является камнем преткновения в вопросе разграничения ст. 61.20 и ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Так, суд признал, что факт причинения ущерба в размере только 25% стоимости активов общества не может быть основанием для применения ст. 61.11 Закона о банкротстве, применяется ст. 61.20 Закона о банкротстве¹. В другом деле суд оценивал соотношение непогашенных требований кредиторов и размер фактически причиненного ущерба. Поскольку размер ущерба не является близко соотносимым с объемом требований в реестре, то применяется правило о корпоративных убытках, а не субсидиарной ответственности². Суд указывает, что после отчуждения активов не было массовых увольнений, а организация продолжила свою работу, что не может быть основанием для привлечения к субсидиарной ответственности³. Анализируя эти судебные решения, возникает сомнение в том, что законодатель и Верховный Суд РФ с достаточной степенью правовой определенности установили разграничение между корпоративными убытками (ст. 61.20 Закона о банкротстве, которая основывается на ст. 53.1 ГК РФ) и ст. 61.11 Закона о банкротстве. Мнение об отсутствии необходимой определенности также высказывается в литературе⁴. При этом правовая определенность в контексте привлечения лиц к любой ответственности является важным критерием конституционности нормы и правозащитной гарантией⁵.

Также укажем, что иск о взыскании убытков в банкротстве (ст. 61.20 Закона о банкротстве) и субсидиарная ответственность находятся в тесной взаимосвязи.

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2021 по делу № А41-15498/2016 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.09.2021 по делу № А76-3833/2017 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.12.2021 по делу № А23-2096/2015 // Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

⁴ Гутников О.В. Основания разработки категорий корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 4. С. 26.

⁵ Велиева Д.С., Пресняков М.В. Правовая определенность и права человека : монография /. – Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2021. С. 150.

Так, после удовлетворения требований о привлечении к субсидиарной ответственности могут быть заявлены требования о возмещении корпоративных убытков в той части, которая не была возмещена в рамках субсидиарной ответственности. При этом Верховных Суд РФ указал, что в случае удовлетворения требования о взыскании убытков, иск о привлечении к субсидиарной ответственность не может быть заявлен, если сумма присужденных убытков включала в себя размер субсидиарной ответственности¹. Таким образом, в банкротстве допускается последовательное применение компенсаторных механизмов. Причем предпочтительной является заявление сначала требования о субсидиарной ответственности, а потом иска о корпоративных убытках. При возложении корпоративной ответственности суды применяют (в том числе одновременно) как общие положения о взыскании убытков (Глава 59 ГК РФ), так и специальная нормы о корпоративной ответственности². В литературе встречаются критические замечания в отношении такого подхода. Зачастую предлагается идея специалитета норм о корпоративной ответственности, который предусматривает запрет смешения корпоративной ответственности с иными видами гражданской ответственности³. Однако на сегодняшний день практика идет по пути допущения одновременного и последовательного применения норм в отношении корпоративной ответственности и общего порядка взыскания убытков.

Считаю, что главным критерием разграничения является установление в Законе о банкротстве закрытого перечня деяний, которые могут стать основанием для привлечения к субсидиарной ответственности по ст. 61.11 Закона о банкротстве. В виду чего, в целях построения стройной системы законодательства в части ответственности контролирующих субъектов,

---

¹ Определение ВС РФ от 28.09.2023 N 306-ЭС20-15413(3). Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

² Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30 августа 2017 г. по делу N A07-14085/2017. Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».

³ Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. N 6. С. 48 - 65.

предлагается исключить п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, изложив п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве в следующей редакции:

«П. 1. Лицо, указанное в ст. 61.10 настоящего закона, может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, если будет доказано, что банкротство должника возникло в результате совершения этим лицом следующих виновных действий (бездействий):

- 1) тайное присвоение, сокрытие, изъятие, повреждение, уничтожение имущества должника, вопреки условиям гражданского оборота, за счет которого обеспечивается удовлетворение требований кредиторов;
- 2) совершение противоречащих нормальным условиям гражданского оборота убыточных и (или) спекулятивных сделок посредством отчуждения существенного объема активов должника;
- 3) грубое неисполнение обязанности по осуществлению налоговой, бухгалтерской и иной, установленной законом отчетности о деятельности должника, а также необеспечение ее сохранности в период существование обязанности, предусмотренной законом;
- 4) включение в балансовую отчетность несуществующих в соответствии с гражданским законодательством прав требования и обязательств в отношении должника;
- 5) тайное удаление, сокрытие, уничтожение или повреждение документов бухгалтерской и иной отчетности в период существования обязанности по ее хранению, которое затрудняет ознакомление с состоянием активов должника;
- 6) иные действия (бездействия), грубо нарушающие нормальные условия гражданского оборота и обычные деловые стандарты, уменьшают чистые активы должника.»

Таким образом, исключение презумпций, установленных п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, позволит сузить применение положений ст. 61.11 Закона о банкротстве и вернет институту субсидиарной ответственности экстраординарный характер. А четкое закрепление в п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве позволит обеспечить большую правовую определенность в вопросе

применения норм, избежав применения критерия причинно-следственной связи в качестве смыслообразующего.

В свою очередь ввиду схожести составов ответственности п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО и ст. 61.11 Закона о банкротстве предлагается наоборот «усилить» и «ужесточить» его правоприменение путем установления презумпции размера ответственности контролирующего лица в пределах ущерба, причиненного кредитору. Кроме того, Конституционный Суд РФ уже распределил бремя доказывания обстоятельств дела по этому основанию, усилив позицию кредитора (истца)¹. Истец предоставляет все имеющиеся у него доказательства в суд, при этом контролирующее лицо вправе дать пояснения относительно причин исключения общества и предоставить доказательства, которые подтверждают правомерность его поведения.

Если же ответчик не воспользуется своим правом или предоставленные сведения суд сочтет недостаточными для решения вопроса о невиновности лица, то бремя доказывания правомерности действий контролирующего лица и отсутствие причинной связи возлагается на ответчика. Таким образом, при установлении состава ответственности необходимо установить причинно-следственную связь. Состав п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» предусматривает свое распределение бремени доказывания, при котором в случае непредоставления ответчиком пояснений баланс обращается в пользу заявителя.

Таким образом, главная задача законодателя и правоприменителя заключается в улучшении настроек такого механизма как субсидиарная ответственность в банкротстве (ст. 61.11 Закона о банкротстве) путем сужения сферы действия указанной нормы. Представляется, что наиболее правильной стратегией для решения этой задачи является закрепление в Законе закрытого перечня деяний, которые могут быть признаками объективной стороны

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.

гражданского правонарушения – ответственности за невозможность удовлетворения требований кредиторов. При этом отказ от презумпций, которые предусматривает современное законодательство, также гарантирует суждение сферы применения. Субсидиарная ответственность, предусмотренная ст. 61.12 Закона о банкротстве, сопряжена с неисполнением определенной в Законе обязанности – в данном случае погрешности и несогласованность законодательства не влияют на систему норм об ответственности контролирующих лиц, однако являются дефектами внутри института ответственности за неподачу заявления о банкротстве. Взыскание убытков в банкротстве (ст. 61.20 Закона о банкротстве) является продолжением нормы ст. 53.1 ГК РФ, которая включает в себя особенности процедуры банкротства. Однако Верховный Суд РФ размывает границы между внутренней и внешней корпоративной ответственностью в рамках этого института, что, на наш взгляд, не является верным. Так, пренебрежение правом кредитора стать цессионарием требований из судебного решения о возмещении убытков является соразмерной жертвой для сохранения ст. 61.20 Закона о банкротстве как механизма возмещения вреда в пользу самого должника (конкурсной массы) ввиду того, что этот кредитор хоть и является только номинальным носителем права на возмещение, однако становится его бенефициаром.

Корпоративная ответственность по п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО является внешней корпоративной ответственностью, однако применение этого положения затруднено информационной слабостью заявителя, которая в должной мере может быть компенсирована за счет распространения презумпции размера вреда в пределах суммы ущерба заявителя. Сложность в вопросе определения места этой ответственности в системе норм заключается в том, что п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО имеет общие черты как со ст. 61.11 в Законе о банкротстве, так и со ст. 61.12 данного закона. Ввиду ряда особенностей такую ответственность следует признать самостоятельным институтом и распространить применение нормы также в отношении акционерных обществ.

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены положения российского законодательства, которые устанавливают ответственность контролирующих субъектов по обязательствам юридического лица. Этот механизм призван, с одной стороны, предоставить дополнительные гарантии кредиторам, с другой стороны, предотвратить использование конструкции юридического лица в целях совершения злоупотреблений и правонарушений.

В результате исследования я пришла к следующим выводам.

Во-первых, российский правопорядок не различает принцип ограниченной ответственности и агентский иммунитет, как принципиальные положения, ограничивающие ответственность двух групп субъектов: участников и менеджеров соответственно. Он основывается на общем понимании осуществления контроля над обществом посредством правовой или фактической возможности определять решения корпорации.

Во-вторых, единую систему норм о корпоративной ответственности закрепляют положения ст. 53.1 ГК РФ, ст. 61.20 Закона о банкротстве. Однако ввиду разъяснений Верховного Суда РФ убытки в банкротстве приобрели двойственную природу – в зависимости от защищаемого интереса, возмещение убытков может производиться по модели как внешней, так и внутренней корпоративной ответственности. Что не позволяет окончательно судить о ее месте в системе.

В-третьих, ввиду правовых последствий привлечения к ответственности по ст. 61.11 Закона о банкротстве стоит рассматривать как отдельный институт, устанавливающий ответственность за невозможность удовлетворения требований кредиторов. При этом ввиду того, что инструментом разграничения со ст. 61.20 Закона о банкротстве является только причинно-следственная связь, предлагается изложить п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве в новой редакции,

устанавливающей разграничение по объективной стороне (деянию) рассматриваемого деликта, для предания большей исключительности механизму ст. 61.11 Закона о банкротстве. Предлагается следующая редакция п.1 ст. 61.11 Закона о банкротстве:

«П. 1. Лицо, указанное в ст. 61.10 настоящего закона, может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, если будет доказано, что банкротство должника возникло в результате осуществления этим лицом следующих виновных действий (бездействий):

- 1) тайное присвоение, сокрытие, изъятие, повреждение, уничтожение имущества должника, вопреки условиям гражданского оборота, за счет которого обеспечивается удовлетворение требований кредиторов;
- 2) совершение противоречащих нормальным условиям гражданского оборота убыточных и (или) спекулятивных сделок посредством отчуждения существенного объема активов должника;
- 3) грубое неисполнение обязанности по осуществлению налоговой, бухгалтерской и иной, установленной законом отчетности о деятельности должника, а также необеспечение ее сохранности в период существование обязанности, предусмотренной законом;
- 4) включение в балансовую отчетность несуществующих в соответствии с гражданским законодательством прав требования и обязательств в отношении должника;
- 5) тайное удаление, сокрытие, уничтожение или повреждение документов бухгалтерской и иной отчетности в период существования обязанности по ее хранению, которое затрудняет ознакомление с состоянием активов должника;
- 6) иные действия (бездействия), грубо нарушающие нормальные условия гражданского оборота и обычные деловые стандарты, уменьшает чистые активы должника.»

Необходимо предусмотреть процессуальные права и гарантии для ответчиков по спору о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве. В частности, предполагаемое контролирующее должника

должно обладать следующими правами в рамках дела о банкротстве с момента заявления ходатайства перед судом:

- 1) право заявлять возражения относительно включения требований в реестр требований кредиторов (ст. 71 Закона о банкротстве);
- 2) право знакомиться с материалами дела о банкротстве;
- 3) право присутствовать на первом собрании кредиторов (для реализации потенциальной возможности отстранения арбитражного управляющего, а также жалобы на оценщика имущества, выбранного собранием кредиторов для оценки имущества конкурсной массы, а также для контроля за оценкой недвижимости) (ст. 72 Закона о банкротстве);
- 4) право подавать жалобу в арбитражный суд и в саморегулируемую организацию на действия арбитражного управляющего по включению необоснованных требований в реестр, против которых поступили возражения (абзаца второго пункта 1 статьи 20, абзаца третьего пункта 2 статьи 20.3, пункта 1 статьи 129, абзаца девятого пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве и части 1 статьи 131 АПК); в случае непринятия мер по защите имущества должника, а также при неразумном и необоснованном расходовании средств, которое повлекло уменьшение имущества конкурсной массы.
- 5) право обжалования незаконных действий конкурсного управляющего по не взысканию дебиторской задолженности;
- 6) право требовать перед судом субординации требований аффилированных кредиторов;

В-четвертых, исходя из деликтной природы всех видов ответственности контролирующих субъектов (ст. 1064 ГК РФ) предлагается распространить правило об учете вины потерпевшего при определении размера ответственности (ст. 1083 ГК РФ) по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ). При этом для целей применения стоит уменьшать размер обязательства, если кредиторы корпорации не проявили должной заботливости и осмотрительности при определении контрагента по сделке. Кроме того, для уменьшения размера обязательства по ст. 61.12 Закона о банкротстве необходимо применять *правовые последствия*

субординации требований кредиторов для споров о привлечении к субсидиарной ответственности (компенсационное финансирование и реконструкции обязательства).

В-пятых, для целей устранения противоречий в законодательстве и достижения правовой определенности предлагается согласовать нормы о принятии корпоративного решения о подаче заявления о банкротстве и ст. 61.12 Закона о банкротстве. Так, на руководителя должника по ст. 61.12 Закона о банкротстве должна возлагаться обязанность, сформулированная следующим образом: провести собрание участников по вопросу подачи заявления о банкротстве; обратиться в суд с заявлением о банкротстве в случае принятия положительного решения; приостановить заключения новых договоров на период созыва, проведения и подведения итогов общего собрания участников по вопросу обращения в суд с заявлением о банкротстве. При этом обязанность других контролирующих субъектов следует считать исполненной с момента обращения к руководителю общества с требованием о проведении общего собрания участников.

В-шестых, распространить в качестве единственно верного толкования нормы п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО правовую позицию, изложенную в Определении Верховного Суда РФ о том, что п.3.1 ст. 3 ФЗ об ООО применяется в случае доказанности факта наличия объективного банкротства общества на момент его исключения. При этом для целей справедливого распределения бремени доказывания по данному спору необходимо следовать позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 21.05.2021 N 20-П, стоит распространить презумпцию размера обязательства контролирующего субъекта в размере первоначального обязательства между обществом (до его исключения) и кредитором.

Список используемой литературы

Нормативные правовые акты

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 29.07.2017 № 266-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.
4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон РФ от 08.08.2001 № 129-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон РФ от 27.09.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
6. Об акционерных обществах: Федеральный закон РФ от 26.12.1995 № 208-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
7. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Российская судебная практика

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.01.2006 N 100 "О некоторых особенностях, связанных с применением статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2021 N 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2020 N 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2021 N 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 2.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года № 305-ЭС23-22266. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2021 N 310-ЭС20-23101 по делу N A09-3109/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2021 N 310-ЭС20-23101 по делу N A09-3109/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 07.12. 2015 года № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 07.12. 2015 года № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2023 N 308-ЭС21-14005(2) по делу N A53-5234/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2020 N 305-ЭС20-788 по делу N A40-108590/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2017 №309-ЭС17-1801 по делу №А50-5458/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 21 октября 2019 г. N 305-ЭС19-9992. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- 14.Определение Верховного Суда РФ от 21 октября 2019 г. N 305-ЭС19-9992. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 15.Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2023 N 308-ЭС19-21172(3-6) по делу N A32-36069/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 16.Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2022 N 309-ЭС21-21963(4) по делу N A50-27712/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 17.Определение Верховного Суда РФ от 27.07.2022 № 310-ЭС22-11804 по делу № A48-4916/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 18.Определение ВС РФ от 08.10.2021 № 304-ЭС21-18637 по делу № A03-6737/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 19.Определение ВС РФ от 28.09.2023 N 306-ЭС20-15413(3). Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».
- 20.Определение от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 по делу № A21-337/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 21.Определение от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 по делу № A21-337/2013; Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 22.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2020 N 66-КГ20-10-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 23.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 N 18-КГ22-105-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 24.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 N 18-КГ22-105-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- 25.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 N 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 26.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 N 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 27.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 N 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 28.Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 N 305-ЭС19-13326 по делу N A40-131425/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 29.Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2017 N 308-ЭС17-1556(2) по делу N A32-19056/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 30.Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.08.2022 N 305-ЭС21-29240 по делу N A40-214997/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 31.Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2019 года N 303-ЭС19-15056 по делу N A04-7886/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 32.Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 N 305-ЭС23-22266 по делу N A40-169761/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 33.Определения Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 320-О-П и № 366-О-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 34.Письмо ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от

26.10.2002 N 127-ФЗ». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. Постановление 13 Арбитражного Апелляционного Суда по делу А56-70355/2017/суб.1 от 20.05.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
36. Постановление 15 Арбитражного апелляционного суда по делу А53-6904-60/2017 от 22.02.2019 Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
37. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.04.2024 N Ф01-8230/2023 по делу N А43-18888/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
38. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.02.2022 N Ф03-6685/2021 по делу N А73-4982/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
39. Постановление Арбитражного Суда Дальневосточного округа от 15.01.2020 по делу N А73-9726/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
40. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.08.2023 N Ф03-3754/2023 по делу N А73-9471/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
41. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2024 N Ф04-7304/2023 по делу N А45-16636/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
42. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2024 N Ф04-811/2021 по делу N А45-42079/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
43. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2024 N Ф04-811/2021 по делу N А45-42079/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- 44.Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 марта 2020 г. по делу N A56-117175/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 45.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.06.2022 N Ф05-10194/2014 по делу N A41-53179/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 46.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2024 N Ф05-9758/2023 по делу N A40-271493/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 47.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2021 по делу № А41-15498/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 48.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2017 г. по делу N A40-166011/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 49.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.03.2024 N Ф05-1909/2023 по делу N A40-139323/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 50.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.12.2023 N Ф05-30749/2023 по делу N A40-341014/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 51.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.03.2024 N Ф05-23503/2021 по делу N A40-79827/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 52.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.05.2023 N Ф05-6630/2023 по делу N A41-90788/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 53.Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2021 N Ф05-8789/2021 по делу N A40-187451/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

54. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.01.2024 N Ф05-11167/2020 по делу N A41-36018/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
55. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.10.2020 N Ф05-9061/2018 по делу N A41-7404/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
56. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.10.2020 N Ф05-9061/2018 по делу N A41-7404/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
57. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2023 N Ф05-34006/2022 по делу N A40-161342/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
58. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2021 N Ф05-15816/2017 по делу N A40-60987/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
59. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2021 N Ф05-15816/2017 по делу N A40-60987/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
60. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.02.2024 N Ф05-15132/2016 по делу N A40-133020/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
61. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2024 N Ф05-6735/2021 по делу N A40-231147/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
62. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.04.2022 N Ф05-16306/2021 по делу N A40-199307/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
63. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2024 N Ф05-14560/2017 по делу N A40-242071/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

64. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-218194/2016 от 28.07.2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
65. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.06.2020 N Ф06-61372/2020 по делу N А65-26520/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
66. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.04.2023 N Ф06-4741/2021 по делу N А72-19400/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
67. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2021 N Ф07-17246/2021 по делу N А56-77281/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
68. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.09.2023 N Ф07-11495/2023 по делу N А56-88403/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
69. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.06.2022 N Ф08-3468/2022 по делу N А32-19551/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
70. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.05.2021 N Ф08-4327/2021 по делу N А32-901/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
71. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.09.2021 по делу № А76-3833/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
72. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.02.2024 N Ф09-7978/22 по делу N А60-31781/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
73. Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 06.06.2019 № Ф09-320/18 по делу № А60-24214/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

74. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.12.2021 N Ф09-7755/21 по делу N A50-13743/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
75. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.05.2022 N Ф09-2037/22 по делу N A50-28001/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
76. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.08.2023 N Ф09-4972/23 по делу N A60-30243/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
77. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.08.2023 N Ф09-4972/23 по делу N A60-30243/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
78. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.12.2021 по делу № A23-2096/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
79. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2022 по делу N A57-408/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
80. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2023 N 19АП-3151/2023 по делу N A48-6786/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
81. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2022 N 09АП-51338/2022, 09АП-53455/2022 по делу N A40-19478/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
82. Постановление Конституционного Суда РФ "По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова". // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2001.

83. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2019 N 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 200 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина В.А. Нужина» // СЗ РФ. 2019. № 10. Ст. 1046.
84. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 N 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.
85. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 N 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова» // СЗ РФ. 2021. № 48. Ст. 8141.
86. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.
87. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 N 50-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданки Л.В. Ваулиной» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8303.
88. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2023 N 11АП-14765/2023, 11АП-15338/2023 по делу N A65-26537/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

89. Постановление от 06.11.2012 № 9127/12 по делу № А40- 82872/10-73-400 «Б». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
90. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
91. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь. №34. 2013.
92. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская Газета. 2017. № 297.
93. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская Газета. 2016. № 275.
94. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 N 2826/14 по делу N А57-2430/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
95. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2022 N 15АП-2981/2022 по делу N А53-33459/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
96. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2018 по делу N А59-6474/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
97. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2022 N 17АП-2525/2022(1,2)-АК по делу N А50-3892/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
98. Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 11.04.2023 N Ф06-4741/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

99. Постановлении Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона “Об акционерных обществах”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 41.
100. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская Газета. 2020. № 136.
101. Решение Арбитражного суда Алтайского края по делу № А03-9933/2018 от 12.04.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
102. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30 августа 2017 г. по делу N A07-14085/2017. Документ официально опубликован не был. Приводится по СПС «Консультант Плюс».
103. Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 09.06.2018 по делу N A59-6474/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Зарубежная правоприменительная практика

1. Stone & Rolls Ltd v. Moore Stephens [2009] UKHL 39;
2. Ferguson v. Wilson [1866] LR 2 Ch App 77;
3. Rainham Chemical Works Ltd v. Belvedere Fish Guano Co [1921] 2 AC 465, 467, HL;
4. BGH, 16.09.1985 — II ZR 275/84, BGHZ 95, 330 («Autokran»);
5. BGH, 20.02.1989 — II ZR 167/88, BGHZ 107, 7 («Tiefbau»);
6. BGH, 23.09.1991 — II ZR 135/90, BGHZ 115, 187 («Video»);
7. BGH, 29.03.1993 — II ZR 265/91, BGHZ 122, 123 («TBB»);
8. BGH, 24.06.2002 — II ZR 300/00, BGHZ 151, 181.

Библиография

Научная литература на русском языке

1. Бобылева А.З., Горев Д.Е., Зайцева Ю.А. и др. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. 312 с.
2. Борисенко Д.Р., Терещенко Т.А. Трехступенчатый тест для оценки обоснованности привлечения к субсидиарной ответственности в банкротном споре // Арбитражные споры. 2022. N 1. С. 67 - 76.
3. Брагинский М.И. Договорное право: общие положения. Кн. 1. 3-е изд. стер. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — М.: Статут, 2008. — 847 с.
4. Быканов Д.Д. Проникающая ответственность в зарубежном и российском корпоративном праве: дис. .... канд. юрид. Наук: 12.00.03 / Быканов Денис Дмитриевич. — М., 2018 – 269 с.
5. Велиева Д.С, Пресняков М.В. Правовая определенность и права человека: Монография / – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021 г. 401 с.
6. Гаврилина М.Ю. Недействующее юридическое лицо: понятие и порядок исключения из ЕГРЮЛ // Право и бизнес. 2022. N 3. С. 29 - 33.
7. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. N 2. С. 248 - 273.
8. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. N 4. С. 154 - 202.
9. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О. В. Гутников. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма Контракт, 2019. 488 с.

- 10.Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве / О.В. Гутников // Закон. 2017. № 1. С. 22—37.
- 11.Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 4. С. 4 - 30.
- 12.Гутников О.В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 20—31.
- 13.Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. N 6. С. 48 – 65.
- 14.Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях / О.В. Гутников // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 51—117.
- 15.Гутников, О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ / О.В. Гутников // Адвокат. 2016. № 9. С. 5—13.
- 16.Добрачев Д.В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства / Д.В. Добрачев. Москва: Инфотропик Медиа, 2019. 172 с.
- 17.Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. 2022. N 2. С. 3 - 17.
- 18.Карелина С.А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды // Предпринимательское право. 2022. N 1. С. 10 - 18.

- 19.Коммерческий кодекс Франции / предисловие, перевод с французского, дополнение, словарь-справочник и комментарии В.Н. Захватаева. М.: Волтерс Клувер, 2008. 1272 с.
- 20.Корабель С.В., Григорьева А.Б. Привлечение наследников к субсидиарной ответственности за деятельность наследодателя // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. N 8. С. 71 - 74.
- 21.Кочеулов Ю. Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации / Ю. Ю. Кочеулов. Москва: Статут, 2020. – 141 с.
- 22.Ломакин Д.В. Проблемы гражданско-правовой ответственности субъектов, контролировавших исключенное из единого государственного реестра юридических лиц недействующее общество с ограниченной ответственностью // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. N 4. С. 36-46.
23. Ломакин, Д. В. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней / Д. Ломакин, О. Гентовт // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 12—39.
- 24.Ломакин, Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ / Д.В. Ломакин // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 9. — С. 6—33.
- 25.Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2018. 860 с.
- 26.Монастырский Ю.Э. Материально-правовые особенности требований об убытках: монография. М.: Статут, 2019. 204 с.
- 27.Монастырский Ю.Э. Современное значение понятия "степень вины" при привлечении к ответственности директоров в корпоративном праве России // Хозяйство и право. 2022. N 8. С. 33 - 56.
- 28.Морхат П.М. Субсидиарная ответственность номинальных директоров: анализ практики арбитражных судов // Журнал «Судья». 2019. N 3. С. 43-50.

29. Нанаева Э.А. Гражданско-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Нанаева Этель Азизбековна. — М., 2008. — 258 с.
30. Несостоятельность (банкротство) : учебный курс : учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр, и магистрантов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, квалификация Магистр : [в 2 томах] / [Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, А. З. Бобылева и др.] ; под редакцией доктора юридических наук, профессора С. А. Карелиной ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. Москва: Статут, 2019.
31. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: монография / Ю.Д. Подольский. Москва: Статут, 2020. 171 с.
32. Покровский С. С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Санкт-Петербург, 2017.
33. Покровский С.С. Критика «режима субсидиарной ответственности» / С.С. Покровский // Гражданское право. — 2015. — № 6. — С. 43—46.
34. Покровский С.С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. N 7. С. 40 - 49.
35. Родина Н.В. Изменение характера требований кредиторов как способ субординации // Вестник арбитражной практики. 2021. N 3. С. 76 - 83.
36. Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. 2-е изд. [Электронное издание]. М.: Статут, 2019. 195 с.
37. Середа И. М. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. Москва: Статут, 2020. 112 с.

38. Соболев С.И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 6. С. 27 - 73.
39. Суворов Е. Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014-2018 гг. / Е. Д. Суворов. Москва: Статут, 2019. Вып. 3. 2020.
40. Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника / Е.Д. Суворов. Москва: Статут, 2020. 207 с.
41. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
42. Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 174 с.
43. Хлопцов Д.М., Беломытцева О.С., Баландина А.С. О методике определения даты объективного банкротства организации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. N 1. С. 30-40.
44. Чебоньян Т. Г. Уголовно-правовая характеристика неправомерных действий при банкротстве: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Чебоньян Татьяна Гайковна. Ростов н/Д, 2005. С. 67–68.
45. Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.03 / Шайдуллин Айнур Ильшатович. М. 2022. – 251 с.
46. Ягельницкий А.А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. 2019. N 3. С. 47 - 55.

Научная литература на иностранном языке

1. Company directors: duties, liabilities and remedies / Ed. by S. Mortimore. 2nd ed. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 55.

2. Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation // Causation in Law / ed. by L. Tichy. Prague, 2007. P. 133
3. Hannigan, B. Company law / B. Hannigan. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 46.

Интернет-источники

1. [Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 30 июня 2023 - Федресурс \(fedresurs.ru\)](#)
2. [URL:<http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/>+/http://www.insolvency.gov.uk/insolvencyprofessionandlegislation/legislation/uk/insolvencyact.pdf](#)
3. [Уголовный кодекс Германии \(Strapgesetzbuch – StGB\) \(gesetze-im-internet.de\)](#)